

ЛАДОНЬ НА СТЕНЕ

Огромный пёс, чей силуэт был процарапан неизвестно кем на стене четвёртого подъезда дома 34 по улице Таёжной, широко зевнул и закрыл клыкастую пасть. Он сделал здесь всё, что мог. Вернее, сделало то тёмное, зыбкое и невероятно сильное, что стояло за ним..

* * *

Сначала в кабинете оперуполномоченных райотдела милиции таёжного города К. появились козлы. Нет, не те козлы, не полевые, то есть не бородатые и вредные, с рогами и копытами, а грубо сколоченные из занозистых досок и предназначенные для того, чтобы, стоя на них, возюкать кистью с побелкой по потолку. Внесли их две насупленные круглобокие тётки в синих застиранных комбинезонах и низко надвинутых цветастых косынках. Тётки безапелляционно скомандовали:

— А ну-ка, мужики, бумаги свои приберите, сейчас будете столы выносить и шкафы сдвигать. Ремонт. Побелка и обои.

Поименованные «мужики», то есть оба опера, в чьём распоряжении находился кабинет, Толян Охрименко по прозвищу Рыжий (был он действительно рыж и веснушчат) и Игнат Сёмин по прозвищу Сёма, мягко говоря, удивились. Ещё вчера ни о каком ремонте никто и не заикался, а тут эвон какое счастье привалило.

Сёма обрёл дар речи и возмущённо осведомился, ероша коротко стриженную русую макушку:

— Это кто сказал?

— Это я сказал, — прогудел, вдвигаясь в дверной проём и заполняя его своими могучими плечищами, старший оперуполномоченный, капитан милиции Фёдор Иванович Иванов, а попросту Гризли, чьё прозвище в полной мере характеризовало его внешность. — Срочный ремонт. Эти прекрасные дамы, — он слегка поклонился в сторону зардевшихся тёток, — будут ликвидировать ваш бардак. А вы пока бумаги разбирайте, да поживее. И не смейте мне тут возгудать, засранцы.

Грозно нахмуренные брови Гризли махом лишили обоих подчинённых всякой охоты возгудать.

— А что случилось-то? — кротко осведомился Толян, принимаясь вяло распихивать бумаги по картонным папкам и скоросшивателям.

Он отлично понимал: ни с того ни с сего начальство ремонт в кабинете, не выдавшем эдакой роскоши со времён 25-го съезда КПСС, затевать не будет. Родимое государство не выдавало операм даже проездных на автобус. А тут нате вам — побелка, обои, козлы, тётки... Что-то в лесу сдохло, не иначе. Что-то большое, прямо-таки гигантское, вроде динозавра из фильма «Парк юрского периода», на который Сёма водил свою подружку Светку.

— Московская проверка? — ахнул он, хлопнув себя по лбу, и даже отвлёкся на миг от процесса складывания папок в стопку. Впрочем, стопка уже угрожающе раскачивалась и собиралась съехать со стола.

Гризли мрачно на него покосился, забрал папки и старательно затолкал их на полку ближайшего шкафа.

— Не-а, — вместо него ответил товарищу Толян. — Если бы московская или хотя бы краевая, мы бы тут... а, — он загнул указательный палец, — ночевали и бэ — сейчас бы все эти дела шерстили, которые в шкаф запикиваем.

— Молоток, — устало похвалил его Гризли. — Аналитик с большой буквы «А». Нет, всё немного лучше, хотя это как сказать. К нам едет детектив из Скотланд-Ярда по обмену. Инспектор из управления по борьбе с преступностью Энтони Хиггинс. Что-то навряд ли гуманитарной помощи нам окажет, сыром и убогим.

— Че-го?! — Толян, ушам своим не поверив, обалдело переглянулся с Сёмой.

— Того. Инспектор, говорю, по программе обмена. Они к нам, мы к ним. По-нашему шпрехает не очень, поэтому дела не шерстим, он всё равно в них низера... — Гризли покосился на тёткок, наостривших уши, но старательно размешивавших известковую бурду в ведре, — ничего не петрит.

— Товарищ капитан, — вскинул брови Сёма, — сегодня не первое апреля, а вовсе даже девятнадцатое мая. День пионерии.

— Пионерия тут ни при чём, — отрубил Гризли. — Согласно новым веяниям, товарищ... то есть господин инспектор будет проходить у нас короткую стажировку. Слава те господи, всего неделю.

— По обмену, так? — Толян, подтверждая гордое звание «Аналитика», ухватил в ориентировке старшего по званию самое главное. — А кого меняем-то? Ну в смысле, он к нам, а к ним кто?

— Конь в пальто, — злорадно ответствовал Гризли, принимаясь раскачивать шкаф, чтобы сдвинуть его с места и затолкать в угол. Шкаф прирос к полу и поддаваться не желал. — Не вы, орлики, и не я, так что не мылься, мыться не придётся. Москва с ними будет меняться... или уже поменялась. Чего стоим, кого ждём? Давайте толкайте с другой стороны.

— Ну во-от... — разочарованно протянул Толян, примериваясь к шкафу. — Как всегда, на нашем горбу в рай въезжают. То есть, наоборот, выезжают. Несправедливо.

— А ты чего-то другого ждал? — ехидно осведомился Гризли, вылезая из угла и старательно отряхивая ладони: шкаф оказался весь в пыли и паутине. — Наша с вами задача — продемонстрировать господину инспектору таёжную экзотику, показать методы нашей работы с наилучшей стороны и... — он воздел кверху толстый указательный палец, — что ещё? Ну, глагольте, ироды!

— И научить его пить водку! — радостно подхватил Толян. — Ну или коньяк. Армянский, пять звёздочек. Или хотя бы три звёздочки.

— И ругаться матом, — не остался в стороне от обсуждения Сёма.

— И проследить, чтобы этот Скотланд, чёрт его дери, Ярд в какую-нибудь жопу не угодил, — свирепо прорычал начальник. — Чтоб и волосок с его напوماженной головы не упал. Ясно вам, долбо... обалдуи?

Сёме ни черта не было ясно. Как демонстрировать экзотические и наилучшие методы работы и при этом держаться подалеже от жопы, под коей Гризли подразумевал, конечно же, перестрелки и всякие бандитские разборки? Хотелось верить, что за неделю пребывания загадочного инспектора на территории райотдела ничего подобного не произойдёт, но мало ли...

— А жить он где будет? — спохватился Сёма. — В нашей общаге?

— Да ты что! — замахал руками Гризли. — Там только мы выжить можем. Где все московские шишки останавливаются, там и он будет.

— В «Восходе», что ли? — Толян в очередной раз озадаченно переглянулся с Сёмой. — Надо оттуда шалав на недельку того... попросить, а то как-то неудобно.

— Да что у них в Англии, проституток нет, что ли? — проворчал Гризли.

— Действительно, пускай привезёт отсюда наш родной экзотический таёжный трипак! — заржал бессердечный Сёма. — Ты ему просигнализируй, Фёдор Иванович, пусть ящик резины с собой захватит, у нас с этим проблемы, сам знаешь.

— Шипованной! — подхватил Толян, которого было хлебом не корми, дай только зубы помыть.

Гризли мрачно показал зарвавшимся подчинённым пудовый кулак и возгласил, сдвигая с места хлипкий письменный стол, откуда немедля вывалились два ящика, усеяв всё вокруг россыпью мелкой канцелярии и обёрток из-под «сникерсов».

— Хорош болтать! Займите его работой по гланды, авось и сами начнёте шевелиться! Оглоеды! Срач до потолка развели!

— Какой работой-то, товарищ капитан? Ну какой работой? — заканючил Рыжий, искренне недоумевая. — Ты же сам сказал: туда не ходи, сюда не ходи, снег башка попадёт, совсем мёртвый будешь.

— А звание у него какое? — спохватился Сёма. — Он офицер ихний или просто какой-нибудь... эм... констебль? — вспомнил он книжки Конан Дойля.

— Инспектор, — буркнул Гризли, — соответствует нашему лейтенанту, то есть вам, олухи.

— А почему ты, Фёдор Иванович, сказал, что у него голова напомаженная? — не унимался Толян. — Он что, из этих самых? — и он выразительно подвигал бровями. — Пусть даже и офицер полиции. У них там в ихней растленной Европе небось всё можно?

— Иди нахуй, — одними губами, старательно артикулируя, произнёс потерявший остатки терпения Гризли, и опера, поняв, что ещё немного — и они нарвутся, послушно принялись подбирать с пола вывалившийся срач. Тётки ехидно хихикнули и полезли на козлы. Оставалось надеяться, что к концу рабочего дня к приёму высокого гостя всё будет готово — по крайней мере, обои успеют просохнуть и не сползут со стен.

Не сползли.

Инспектор знаменитого английского Скотланд-Ярда Энтони Хиггинс оказался мелким, довольно щуплым, двадцати пяти лет от роду, в таких же, как у оперов, простецких джинсах, рубашке и куртке. И его белобрысая голова вовсе не была напомажена. Сопровождающий его капитан «из края», как принято было говорить у них в городе, то есть из краевой столицы, с превеликим облегчением сдал своего подопечного на руки райотделу, нудно проинструктировал Гризли, как надлежит себя вести со столь неудобоваримым гастролёром, и укатил обратно в столицу края на джипе.

Гризли задумчиво почесал в затылке и знаком велел подчинённым усаживать «Ярда» в «бобик».

— А если он Бонд, Джеймс Бонд? — задержавшись у водительской дверцы, страшным шёпотом осведомился шофёр Эдик. — Из Ми-6, или как там у них разведка называется?

— У нас тут разведывать нечего, — отрезал Гризли. — Рули, Эд, и не митингуй.

Эдик действительно сразу стал у Энтони Эдом, Гризли — Кэпом (в разговорах между операми, в лицо Энтони со всей почтительностью длинно именовал Гризли «то-варисч капитан»), Сёма — Сиомой и Толян — Толем. Сам же инспектор, разумеется, стал у них Тохой. Произошло это крещение сразу же после торжественного ритуала обмена рукопожатиями, пока Тоха подпрыгивал на продавленном сиденье «бобика» и с интересом пялился в мутное окошко.

Сёма, посмотрев туда же, меланхолично пожалел, что они не догадались «бобик» отмыть — если не снаружи, так хотя бы изнутри. Попросили бы уборщицу райотдела тётю Зину, что ли. Слава тебе господи, вчера задержанный за разбойное нападение, в зюзу бухой гражданин Мартынов Андрей Валерьевич, 1969 года рождения, ранее несудимый, тут не наблевал. А ведь намеревался.

Энтони Хиггинс во все глаза взирал в окно на видневшиеся вдали бурые сопки, на опушившиеся первыми зелёными иглами лиственницы, которыми были обсажены широкие прямые улицы, на заботливо выкрашенный «золочёнкой» памятник Ильичу и на герб города — комсомольца, обеими руками раздвигающего вековую тайгу, — на торце ближайшей девятиэтажки в виде изрядно побитого панно. Снег сошёл как раз на первые майские праздники, и воздух наполняли запахи таёжной весны — вскрывшегося Амура и прорвавшихся почками ветвей. А также запах дыма от жарившихся на ближних дачах шашлыков.

— Опять тайгу подпалят, черти, — вздохнул Гризли, и Тони живо повернул к нему свою остроносую физиономию.

— Подпалят? — поднял он белёсые брови.

«Шпрехал» он по-русски, кстати, довольно неплохо для иностранца, единственно, что тезаурус у него был пока что бедноват. Но Гризли подозревал, что в самое ближайшее время с помощью оперов райотдела тот его пополнит, к гадалке не ходи, причём весьма специфической частью великого и могучего.

Сёма немедля встрял в диалог и пояснил англичанину, что, дескать, тайгу якобы палят любители черемши (немедля последовал вопрос: «Что такое черемша?»), но на самом деле под этот шумок гектары вовсе даже целого леса будут проданы за границу как сгоревшие,

всего делов.

— Значит, в курсе полиция? Власти? — Тони сосредоточенно наморщил лоб, пытаясь вникнуть в суть сказанного Сёмой, которому тем временем Гризли традиционно продемонстрировал крепкий кулак из-под полы куртки, а тот так же традиционно сделал вид, что капитанского кулака не заметил.

— Как бы все в курсе, — пожал плечами он, — но это не наше дело. У нас другие функции. Мы вот... бандюков ловим.

— Управление по борьбе с экономическими преступлениями есть? — продолжал настырно допытываться инспектор. Выражался он в стиле «Грейт Британ из ситьюэйтед он э ладж групп оф айлендс лайн ту зе вест оф Юроп», запомнившимся Сёме со времён Лены Стоговой в учебнике английского языка для пятого класса.

Гризли, понимая, что должен вмешаться, неохотно кивнул и проронил:

— Есть.

— Ес-ес, о-бэ-хэ-эс, — радостно провозгласил Толян, и без того слишком долго молчавший.

ОБХСС — отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности — почил в бозе не так давно вместе с этой самой собственностью, лихо перешедшей в лапы разных рвачей, с тоской подумал Гризли, а вслух дипломатично сказал:

— Ребята работают, а мы по другой части.

— Понятно, — подумав, кивнул Тони, — много разных... злоупотреблений и у нас есть.

Понятливый! Опера переглянулись.

— Сейчас устроим тебя в гостинице, — решительно сообщил Гризли, и Эдик послушно свернул на главный городской проспект, ведущий к «Восходу».

От гостиницы, на которой теперь гордо высилось светившееся в темноте заморское HOTEL, были убраны самые «заядливые» проститутки — по договорённости с сутенёрами, естественно. Те и другие довольны не были, но опера пообещали им, что это всего лишь на неделю, до отъезда англичанина. «Чтобы вы наш отдел не дискредитировали в глазах широкой международной общественности», — пояснил работницам сферы обслуживания Сёма. Такие навороты он подцепил в телевизоре, когда там ещё выступал незабвенный Михал Сергеич. Но в самом деле, разве это преступление — дать какому-нибудь озабоченному командировочному или местному в машине? Несовершеннолетних девочек среди проституток, а по-новому путан, не водилось, за этим опера как раз строго следили, всё происходило по обоюдному согласию. Хотя вообще бардак, конечно. Даже в местной газетке бесплатных объявлений «Мой Город» каждое второе объявление в разделе «Познакомлюсь» было от путан. Обоих полов. Индивидуальная трудовая деятельность.

— Вселим тебя, — бодро продолжал Гризли, будто прочитав Сёмины невесёлые мысли, — и организуем тебе экскурсию по городу. — Вон... хм... Толян тебя свозит туда-сюда. В музей краеведческий можно заглянуть, на халаты из рыбьей кожи посмотреть. На местных богов опять же, сэвэны называются.

«Так и день пройдёт», — подумал Сёма, видевший начальника насквозь, как и тот — его.

Но Тони на халаты и сэзнов смотреть не желал, а желал немедля отправиться к месту стажировки, то есть в райотдел. Так что после того, как инспектор в сопровождении Гризли внёс в отведённый ему номер свой небольшой баульчик, а опера перекурили, стоя возле «бобика», Эдик повёз всю честную компанию на рабочие места.

* * *

Райотдел располагался на довольно тихой улочке, в отдалении от городских проспектов. Рядом со стоянкой сушилось на верёвках бельё, шустрые дворовые бабульки сидели на нагретых солнцем лавочках, зорко наблюдая за крутившимися на скрипучей карусельке внуками и одновременно — за ментами, входившими и выходившими из райотдела.

На свежевывытом тётей Зиной крыльце райотдела взорам выпрыгнувших из «бобика» оперов и инспектора предстала следующая картина: оперуполномоченные Мазин, он же Мазай, и Кот, он же Константинов, ухватив под локти задержанного накануне незадачливого гоп-стопаря Мартынова Андрея Валерьевича, деловито примерялись к чему-то. На небритой роже угрюмо молчавшего Мартынова наблюдался лёгкий перекосяк вправо. Один глаз совершенно заплыл, затянутый сизым фингалом, как грозовой тучей. До приехавших долетел диалог оперов.

— Так он с какой ступеньки скovyрнулся, с этой или с этой? — вопрошал Кот. — В протокол чего писать?

— С той, что повыше, — рассудительно отвечал Мазай, почесав репу. — Ударился левой скулой. Нет, правой. Нет, левой.

— А, бля, Мазай, ты уже определись! — досадливо поморщился Кот. — Право и лево где — не знаешь?

Тут они заметили грозно сопящего Гризли, а с ним — других понимающе ухмылявшихся коллег и озадаченного импортного детектива. Пробормотав что-то приветственно-невнятное, начинавшееся с «т-твою ж мать...», Кот и Мазай влетели обратно в помещение райотдела, волоча под белы руки злосчастливого гоп-стопаря, якобы неудачно упавшего с крыльца.

Гризли проводил троицу тяжёлым взглядом и пробормотал:

— Надеюсь, он хотя бы расколосся, — и, спохватившись, бодро повернулся к пристально следящему за этой сценой англичанину со словами: — Пойдём, пропуск тебе выпишем и вообще... оформим.

Ещё он истово надеялся, что Тони ничего не понял в разыгравшемся перед его светлым взором драматическом действе, хотя уныло предположил, что от этого самого взора ни хрена не укрылось.

«Небось они сами своих подозреваемых пиздят почём зря», — философски утешил себя Гризли, припомнив некоторые виденные им боевики, где дело происходило в полицейском участке. Боевики эти, правда, были американскими, а не великобританскими, но морды задержанным там чистили будь здоров. Тем не менее дискредитация методов работы райотдела оставалась таковой.

— Дам засранцам в бубен, — не выдержав, высказался он вслух, и Тони немедля уставился на него голубыми, как небо, глазами. Вообще, машинально отметил Гризли, привыкший иметь дело с ориентировками на разыскиваемых, внешне парень выглядел как типичный славянин, и не скажешь, что брит какой-то. Даже нос и тот у него был по-родимому вздёрнут.

— Бубен — это что? — негромко осведомился брит.

— Шаманский бубен, зря ты в музей не захотел, — решил выстебнуться Толян, который давно не подвергался этой воспитательной процедуре, как с досадой решил про себя Гризли. — Товарищ капитан хорошо изучил культуру местных коренных народов. Нанайцев там, ульчей. Эвенков. И прочих, — он сделал вид, что не замечает пылающего взора начальника.

— В данном случае бубен — это физиономия, — даже Сёма не выдержал такого бесстыжего гона.

— Понятно, — со вздохом резюмировал Тони. Видно было, как обстоятельно крутились шестерёнки у него в мозгу. Он достал из внутреннего кармана куртки маленький блокнот в кожаной обложке, с такой же миниатюрной шариковой ручкой, торчавшей из петельки сбоку, и что-то педантично туда записал.

Наконец они очутились в кабинете, пройдя гулким и тоже свежепомытым коридором, где на выкрашенных тускло-голубой краской стенах висели стенды с ориентировками и рекомендациями по гражданской обороне.

— Тоха, а откуда ты так хорошо русский язык знаешь? — внезапно задал Сёма интересовавший всех вопрос.

— Люблю... учить языки. Хорошо получается. Быстро. Дедушка — лингвист, профессор, — ответил тот как само собой разумеющееся, внимательно разглядывая очередной стенд, на котором медики разместили устрашающие агитки о чужеземной болячке под названием «СПИД». — Я занимался русским два года. Программа... как это... полного погружения. Курсы. Работал с носителями языка. Правда, один был из Молдавии, а второй — из Грузии. Я знаю ещё немецкий и французский языки.

— Ого, — с уважением протянул Гризли. — А почему же ты при таком дедушке и таких талантах не в какой-нибудь свой Оксфорд подался, а в полицию? Работа грязная, неблагодарная, бумажек много, платят мало... — тут он оборвал сам себя, спохватившись, что описывает не великобританский Скотланд-Ярд, а родимую ментовку.

— Хочу людям помогать, — подумав, серьёзно ответил Тони. Насчёт грязи и безденежья он, кстати, ничего не возразил, возможно, это являлось мировой проблемой. — И мне нравится... расследовать. Распутывать... как это... нитки. Нити. Находить преступника.

Толян вдруг повернулся к нему и неожиданно для всех взял британского детектива в болевой захват, почти опрокинув на пол. Спасибо тёте Зине, хоть пол был чистым.

— Колись, ты шпион? — азартно прошептал он онемевшему бриту в покрасневшее ухо.

Но, прежде чем Сёма и Гризли успели выпасть из столбняка и прийти на помощь Хиггинсу, последний крутанулся на месте... и ещё через две секунды в его руках натужно сопел прижатый к полу Толян.

— Отставить! — страшным полушёпотом гаркнул Гризли. — Вы что, рехнулись?! — он запнулся, поняв, что поставил английского инспектора на одну доску со своим долбозвоном.

— Пока нет, — невозмутимо отвечивал брит, поднимая Толяна с пола и отряхивая на нём куртку. — Прошу извинения. Я не шпион, но, когда на меня нападают, всегда реагирую. Стараюсь.

— Молоток, — только и вымолвил Гризли.

Было похоже, что инспектор Скотланд-Ярда и вправду мало чем отличался от его подчинённых. Капитан крепко потёр ладонью лоб, предчувствуя весёленькую недельку.

Его предчувствия сбылись на все сто.

* * *

Хотя в этот день и на следующий ничего эдакого не произошло. Хиггинс внимательно изучил те находящиеся в производстве дела, которые ему показали, очень удивился, узрев стоявшую у Гризли в кабинете пишущую машинку времён очаковских и покоренья Крыма, и тут же кинулся тыкать в неё пальцем.

Ещё он забрал с собой в гостиницу Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, сообщив, что будет его читать. Опера прифигели, но Гризли не возражал. Жизнь, как говорится, коротка, читай УК. Так что пусть читает. Хоть наизусть учит, его дело. Но такой энтузиазм не мог ему не импонировать.

— Пример берите, — посоветовал он своим охламонам. — Видите, как человек подходит ко всему? Системно. Мне прям вот хочется насовсем кого-нибудь из вас на него обменять, но, увы, — он театрально развёл руками, — перед Скотланд-Ярдом позориться неохота — такое добро, как вы, им отдавать.

Разговор этот происходил в отремонтированном кабинете оперов — уже в отсутствие инспектора Хиггинса, которого повёз в гостиницу заботливый Эдик, пообещав затарить гостя по дороге в самом престижной универсаме города. Универсам под названием «Всёбери» открылся недавно. И там было даже «Птичье молоко» владивостокского производства. И пиво «Гиннес» в банках, моча мочой.

— Надо ему всё-таки поляну накрыть, пяточки обмыть, — заметил Гризли. — Толковый паренёк, с идеалами. Вы вот, архаровцы, — он сумрачно покосился на оных, — с идеалами?

— Э-э... — проямлил Сёма, озадаченно переглянувшись с другом, — само собой.

— С какими же? — продолжал допытываться въедливый Гризли, и Сёма на минуту задумался.

— Жила бы страна родная, и нету других забот — раз. Мы за мир и песню эту понесём, друзья, по свету — два. И три — значит, с ними нам вести незримый бой, так назначено судьбой для нас с тобой, служба дни и ночи.

Выпалил он всё это, как мантру, единым духом, будто специально готовился.

Гризли крякнул и покрутил головой, пронзительно уставившись в честные глаза опера. Тот и

бровью не повёл, продолжал лихо есть этими самыми глазами начальство. Согласно рекомендациям Петра Великого.

— Валите оба отсюда, — от души пожелал наконец капитан. — Служба у них дни и ночи. Что завтра будете Тохе показывать, определились?

Опера снова переглянулись, и Толян браво отрапортовал:

— Можем выдать моего дядьку Митю за браконьера и взять его с личным с незаконным орудием вылова, то есть с сетями. То да сё, природа, погода, тайга, мошка. Пока в кустах посидим, пока каждую рыбину в лицо опознаем, пока выпустим обратно, пока в отделение прокатимся, так и день пройдёт. Но от Мити бутылкой не отделаться, как минимум три постфактум.

— Неплохая идея, — одобрил Гризли, запирая кабинет. — Заодно товарищ... то есть господин инспектор ознакомится с нашей ихтиофауной. Кстати, всем привиться против клещей, — он с усмешкой покосился на скисшего Толяна. — Сплошная польза. Добро, можешь окучивать своего дядю Митю. Если всё хорошо пройдёт, вместо водки я ему коньяк поставлю. Не пять звёздочек, конечно, дагестанский, но всё равно вещь.

Однако, пока дядя Митя мялся и торговался, требуя за роль подсадной утки не три бутылки, а пять, случилось непредвиденное.

Ранним утром оба опера и инспектор, явившиеся в свой кабинет, успели выпить кофе и вкурить сводку свежих ночных происшествий. Никуда не торопясь, благо Гризли в кабинете отсутствовал, будучи вызванным на ковёр к более высокому начальству, наверняка по поводу дружественного британского визита. В сводке не было ничего особенного: состоялись разборки между двумя «бригадками» несовершеннолетних гопарей, делившихся на две банды: собственно гопари и «спартаки». Сёма и Толян пытались объяснить заинтересовавшемуся Тони, в чём состоит разница между представителями обоих неформальных течений. Разницы-то особой и не было, банальный передел собственности — вот что витало над этой бузой. Руководитель гопарей пытался отжать у руководителя «спартаков» его бизнес, и вся недолга. Базис и надстройка. Сёма хорошо запомнил эти термины из школьного учебника обществоведения.

— Бывает, — понимающе заметил Тони, выслушав оперов. — И у нас бывает.

Вторым происшествием, требовавшим вмешательства милиции, стала неудачная попытка кражи со взломом. Некто пытался обнести ларёк на углу улицы Одесской по пересечении с Советской, но сработала сигнализация. Некто тут же убежал скачками, а приехавший наряд милиции застал раскуроченный замок. Хозяин ларька Тимур вызвал заспанную и недовольную продавщицу Алию, чтобы та караулила его собственность.

Сёма мог поклясться чем угодно, что прибывший наряд, если не поступило следующего вызова, пребывал с хорошенькой Алиёй, пил в ларьке чай, закусывал хозяйским рахат-лукумом и травил байки о нелёгкой милицейской доле. Правильно, девушку же надо охранять! Он примерно представлял, кто мог попытаться взломать ларёк, и уже собрался изложить свои соображения Толяну, когда в дверь кабинета деликатно постучали.

И на порог шагнул поп. То есть самый настоящий православный священник, довольно молодой, в чёрной рясе, с крестом на груди, с небольшой русой бородкой, обрамлявшей заметно взволнованный круглый лик. Светлые глаза застенчиво моргали, русые волосы

спадали до плеч. В руке священнослужитель держал обычную картонную папку с завязочками.

Опера и инспектор выпучили глаза.

Священник неловко помялся и тихо проговорил:

— День добрый. Я, понимаете ли, по такому делу... — Он снова умолк, не зная, видимо, с чего начать изложение этого самого дела.

— Здравствуйте. Да вы присаживайтесь, — отмер Сёма, снимая с колченогого стула гору таких же точно папок, как та, что держал в руке посетитель. — И представьтесь, пожалуйста. Я оперуполномоченный Сёмин, это оперуполномоченный Охрименко, — англичанина он деликатно пропустил, боясь совершенно застремать попа.

— Конечно, конечно, — заторопился тот, устраиваясь на стуле. — Надеюсь, вас не смущает мой внешний вид, я с утренней службы и не стал переодеваться.

Чтобы произвести более сильное впечатление, решил Сёма, относившийся к служителям церкви с некоторым предубеждением. Он был агностиком, да и пушкинская «Сказка о попе и работнике его Балде» в своё время врезалась в его неокрепшую детскую память неизгладимо. Гений русской словесности посредством сказки старательно втулял невинным детишкам мысль о том, что попы — недалёкие хапуги.

— Отец Александр, то есть Богданов Александр Иванович, — заторопился поп под скептическим Сёминым прищуром. — Вот мои документы.

— Прописка временная, — заметил Сёма, внимательно их проглядев. — Пионерская, 4, квартира 37.

— Я снимаю эту квартиру, — как-то виновато пояснил священник. — Вернее, приход снимает.

Энтони Хиггинс тем временем подсел ближе; происходящее его явно очень заинтересовало, он даже шевелил губами, будто сходу переводил сказанное на английский язык.

— Итак, в чём суть вашего дела? — осведомился Сёма со всей любезностью, на какую был способен. Сроду он так витиевато не выражался.

— Мне в почтовый ящик опускают мерзостные письма, — потупился поп. — И под дверь подсовывают. Под коврик. Вот они, в папке. Я хочу, чтобы вы нашли людей, которые этим занимаются.

Опера кисло переглянулись. Даже в первом приближении дело казалось заведомо тухлым.

— Письма тут? — указал Сёма на папку в руках священника, и тот, кивнув в знак согласия, торопливо распутал завязочки.

Из папки на стол к операм вылетело несколько измызганных листков. Пять, если точнее.

— Вещественные доказательства руками в стерильных пластиковых перчатках надлежит брать, — не преминул педантично заметить британец.

— А у тебя они есть? — насупившись, покосился на него Сёма. — Если есть — доставай. Если

нет — помолчи. Кроме того, — он тяжело вздохнул, — тут уже полно разных отпечатков.

Был даже отпечаток грязной подошвы, кстати.

— Тем не менее, — продолжал упорствовать Энтони, и Сёма, демонстративно засунув пальцы в относительно свежий пакетик из-под «московских» конфет на развес, взял каждую из бумажек за уголок и внимательно рассмотрел.

Содержание подмётных писем действительно было премерзким: бедного отца Александра посылали во все неприличные места, какие автору или авторам писем подсказывала фантазия, они требовали, чтобы он убирался вон из города (именно в эти самые упомянутые места).

— Отдам криминалистам, — буркнул Сёма, аккуратно укладывая бумажки обратно в папку. — Пробьём отпечатки по базе. Кстати... э-э... батюшка, вам придётся пройти со мной и прокатать собственные отпечатки. Чтобы, так сказать, вычленишь.

Отца Александра такая перспектива явно не обрадовала, но он снова с готовностью кивнул.

— И надо обязательно взять пробы... ДНК, — взволнованно вмешался британец.

Толян и Сёма снова сумрачно на него покосились. У Сёмы на языке завертелось: «Ты не в Чикаго, моя дорогая», всё-таки он глубоко увяз памятью в детской классике, но сдержанно ответил:

— Если начальство даст распоряжение, отправим на экспертизу в край.

Магический «край» на отца Александра впечатление произвёл, а на Тони — нет, это было заметно по его упрямо выдвинутой вперёд нижней челюсти. Настырный брит явно приготовился наседать на Гризли, требуя в полной мере обеспечить попа милицейским обслуживанием. Нехай, решил Сёма. Он-то знал, что на Гризли где сядешь, там и слезешь, если он сам не будет убеждён в необходимости каких-либо телодвижений.

— Берите бумагу, ручку, пишите заявление, — со вздохом предложил Сёма взиравшему на него с надеждой отцу Александру. И тот с готовностью включился в трудоёмкий процесс.

— У вас есть враги? — внезапно спросил Энтони.

Отец Александр поднял голову и доверчиво уставился светлыми близорукими глазами в сосредоточенное лицо брита.

— Это наш стажёр по обмену, инспектор Скотланд-Ярда Энтони Хиггинс, — счёл своим долгом представить того Толян.

Священник даже вздрогнул и уважительно протянул:

— О-о-о...

Сёме захотелось с досадой закатить глаза. Они тут все, значит, не «о-о-о», а этот белобрысый «бобби», значит, «о-о-о». Обидно!

— У меня только один враг, — подумав, совсем не высокопарно изрёк отец Александр. — Враг

всего рода человеческого. Дьявол.

— Вы считаете, что именно дьявол проскакал к вашему почтовому ящику и к коврику под дверь на своих копытах и забросил эти письма? — не удержался Сёма.

Священник перевёл доверчивый взгляд на него:

— Разумеется, нет. Но он вложил пакостные мысли в чьи-то головы, и его замысел был осуществлён руками людей.

— Так, значит, врагов у вас нет? — устало вздохнул Сёма. — Может быть, кто-то из ваших коллег намерен, скажем так, подсидеть вас, чтобы вы из города уехали?

— Что вы! — взмахнул руками священник, явно оскорбившись за «коллег». — Боже сохрани!

«Вот и положились бы на Бога, — снова завертелось на языке у Семы, — чего ж вы в милицию пришли».

— Вы испугались? — внезапно спросил Энтони, внимательно глядя на попа.

Тот серьёзно покачал головой:

— Аще бо и пойду посреде сени смертныя, не убоюся зла, яко ты со мною еси: жезл твой и палица твоя, та мя утешиста. Псалом двадцать второй, — пояснил он. — Но просто... противно, знаете ли. И хочется, чтобы это... словоблудие прекратилось.

— Когда оно началось? — спохватился Сёма. — Словоблудие то есть?

— Первое письмо появилось две недели назад, — ответил священник. — А потом — с периодичностью в три-четыре дня: то на коврик, то в почтовом ящике.

— Может быть, соседи вам пакостят? — напрямик поинтересовался Сёма, впрочем, заранее зная ответ. Конечно: «Что вы, что вы»...

— Что вы, что вы! — горячо выпалил отец Александр. — Они замечательные люди!

— Ясно, — Сёма вздохнул. Священника окружали сплошь замечательные люди, вот только кто-то из них организовал эту травлю. И по какой-то причине. Снова базис с надстройкой? Похоже на то.

— Почему сразу к нам не пришли? — проворчал Сёма. Он понимал, что пристрастен, но ничего не мог с собой поделать. — Думали, он остановится?

— Да, — грустно кивнул отец Александр. — Именно так я и думал, к сожалению. Я верю в лучшее в людях. Но дьявол силен.

«А как же эта, как её... палица божья, про которую псалом?» — едва не осведомился Сёма.

За спиной священника Толян всё-таки закатил глаза к потолку, что не укрылось от бдительного взора Энтони Хиггинса. Едва все бумаги были написаны и за священником, отправившимся к криминалистам, закрылась дверь, он выпалил, с нескрываемой укоризной воззрившись на Сёму:

— Ты предубеждён. И ты, — теперь его палец был направлен в грудь Толяна. — Почему? Потому что в СССР религия порицалась, а священников ссылали на Колыму?

— Ну это ты загнул, брат, и, между прочим, мы и так почти что на Колыме, — оскорбился Сёма за бывшую свою страну, хотя прекрасно понимал, что в его предубеждённости виноват именно злосчастный образ попа-миroeда, впечатавшийся в сознание. Отец Александр мироедом не был, напротив, производил впечатление крайне скромного интеллигента.

— Религия не порицалась, вон даже Блок в своей революционной поэме «Двенадцать», — щегольнул эрудицией Толян, — писал: «в белом венчике из роз — впереди — Исус Христос».

— Церковь порицалась, — упрямо гнул своё брит. — Вы поэтому отказываетесь заниматься расследованием этого дела?

— Да ладно, — проворчал Сёма, пытаясь увильнуть от неприятных разборок. — Мы не отказываемся, только ни к чему это не приведёт. Рано или поздно он заберёт заявление.

— Потому что вы его к этому принудите, — так же угрюмо предположил брит, косясь на него из-под светлой чёлки.

Угу, как давешнего недоделанного разбойника Мартынова на крыльце, злорадно подумал Сёма.

— Потому что это заведомый висяк; кроме того, письма просто могут перестать появляться, — отрезал он, совсем как отсутствующий Гризли, то есть безапелляционно. — Ты сам не видишь, что ли, что это висяк? Дохлый номер. Скорее всего, этот попоненавистник как раз подкладывал своё дерьмо в перчатках.

— Нужно опросить ближайшее окружение потерпевшего, — неожиданно встал на сторону брита Толян, делая вид, что не замечает пронзительного взгляда напарника. — Хочешь, я займусь. Возьму вот Энтони и займусь.

— Сволочь, — опять же по примеру Гризли одними губами произнёс Сёма в сторону Рыжего, едва Тони отвернулся. Конечно, прогуливаться за ручку с британским детективом было проще, чем заниматься неудавшимся ограблением ларька по улице Одесской или разборками гопоты. Но, с другой стороны, вышеперечисленные преступления гроша ломаного не стоили, а Гризли на рабочем месте отсутствовал. И они всё равно собирались на протоку ловить там псевдобраконьера дядю Митю с его сетями, чтобы отвлекать и развлекать инспектора.

Что ж, придётся пока что развлечь его по-другому. Посещением богоугодных заведений.

— Ладно, я с вами, — сдался Сёма. — Пошли, сходим в церкву и на хату к этому отцу Александру. Авось чего-нибудь да накопаем.

Тоха расцвёл. Вот где и правда идеалист хренов, в сердцах решил Сёма. А ещё британец! Они высокомерными должны быть, сухими и чёрствыми, как ихние галеты, которые Сёме довелось как-то купить во «Всёбери». Ан нет!

Храм Всех Святых располагался как раз напротив второй самой крупной гостиницы города под названием «Амур», и это наложило на окружающую среду неизгладимый отпечаток.

Контраст между благостно возносящим к небу золотые кресты бело-голубым храмом и аляповатой, купеческого вида гостиницей, вокруг которой вечно тусовались путаны, их клиенты и охрана, был разительным. Сейчас в ряды путан влились и те, которых опера отогнали от гостиницы «Восход», так что веселуха царила и у церкви. Девочки сидели в припаркованных на стоянке машинах с распахнутыми дверцами, выставив наружу стройные длинные ноги в лосинах и высоких сапогах, некоторые же стояли, картинно опираясь на дверцы.

Поглядев на это непотребство и на каменное лицо Тони, Сёма закашлялся. Он не знал, что делать — то ли подойти и шугануть оборзевших девах и их «дорогих руководителей», то ли притвориться слепоглухонемым, дабы не будить лихо. Он выбрал второй вариант, но при виде оперов девахи сами успокаивающе помахали им, загрузились в машины и захлопнули дверцы. Видимо, тоже не захотели будить лихо. Сёма облегчённо вздохнул и снова осторожно покосился на брита.

— Специальной полиции нравов нет у вас, — как ни в чём не бывало констатировал тот. — Я понимаю.

— Да, зашиваемся, не знаем, за что хвататься, — выдавил Сёма, проходя за ажурные церковные ворота и придерживая калитку для инспектора и Толяна.

Он настороженно огляделся. Здесь начиналась совершенно неизученная им территория, в церковь он был не ходок, хотя крещёный. «Креста на тебе нет», — всплыло в памяти какое-то бабкино ругательство. Да уж, креста на нём точно не было. По-хорошему, ему и приходиться-то сюда не следовало.

Он медленно поднялся по каменным ступеням крыльца, так медленно, будто бы ноги у него заплетались. Толян и Тоха шагали за ним в некотором почтительном отдалении, собираясь, видимо, в этом чуждом им месте во всём следовать его примеру. Нашли пионера-героя, с тоской подумал Сёма и перед входом в церковь не очень-то умело обмахнул себя крестным знаменем.

Внутри церкви было светло, красиво, повсюду висели иконы и приятно пахло. Где-то высокими тонкими голосами пел неведомый хор, и у Сёмы вдруг на миг защемило сердце. Ладаном пахнет, вспомнил он, с некоторым удивлением заметив, как Тоха исправно крестится — с нужной руки и в нужную сторону. Всё-таки стервец брит был очень наблюдательным.

Вообще Сёма понятия не имел, как вести себя в церкви, чтобы не оскорбить чувств присутствующих. Он ведь вполне мог ненароком залезть в какой-нибудь амвон, аналой или алтарь, поэтому бочком-бочком, как краб, стал пробираться вдоль висевших на стенах икон и горящих свечей. Почерневшие лики святых строго на него взирали. Сёма занервничал ещё пуще, обернувшись через плечо: Толян и Тони исправно шли за ним, след в след, как индейцы на тропе войны. Поддержки от них ждать не приходилось.

И тут, к своему превеликому облегчению, он наткнулся на старушку в чёрном, туго повязанном платке, преградившую ему путь. Видимо, она тут всем заправляла, вычленяя из пришедших разных нерадивцев типа Сёмы.

— Здравствуйте, матушка, — полушёпотом проговорил он, понятия не имея, почему именно так назвал старушку. — Мы из милиции. Я оперуполномоченный Игнат Сёмин. Можно поговорить с вами? Лучше снаружи.

«Пока кто-нибудь из нас не получил от вас клюкой в лоб», — чуть было не добавил он.

Старушка, представившаяся Марфой Петровной, быстренько вывела их на крыльцо. При солнечном свете оказалось, что эта маленькая женщина в чёрном платке очень похожа на боярыню Морозову с картины Сурикова: такое же тонкое, хоть и испещрённое морщинами лицо, те же пылающие глаза. Сёма даже оробел, а Толян и Тоха и вовсе переминались с ноги на ногу в приличном отдалении, не решаясь подойти поближе.

— Слушаю вас, — с достоинством произнесла Марфа Петровна, скрестив руки на плоской груди, будто инстинктивно пыталась от него отгородиться.

— Я по поводу отца Александра и прошу наш разговор оставить между нами, — начал Сёма, сразу уверившись, что эту женщину он мог бы о том и не просить. — Он пришёл к нам в милицию с заявлением по поводу того, что некие злоумышленники подбрасывают ему в почтовый ящик и под дверь записки угрожающего характера. Требуют, чтобы он уехал из города. Рассказывал ли он что-нибудь об этом?

— Нет, — твёрдо, не задумываясь, ответила Марфа Петровна.

— То есть вы ничего такого вообще не слышали? — уточнил Сёма. — От кого-то ещё?

Женщина покачала головой.

— Вот же пакостники, прости господи, — вырвалось у неё. — Отец Александр же воистину достойный человек. Бессеребренник, добрейшей души.

— Остальные ваши батюшки не таковы будут? — не удержался Сёма, а женщина пронзила его укоряющим взглядом. — Я, знаете ли, всё время с людскими грехами дело имею, матушка, — пробурчал он в своё оправдание, — посему груб и всех подозреваю. Так что же?

— Отец Иоанн и отец Варсонофий — добродетельные пастыри, — отрезала Марфа Петровна, — и если вы намекаете, что они способны писать какие-то подмётные письма...

— Я ни на что не намекаю, я прямым текстом вопрошаю, — возразил Сёма, снова сбиваясь на какой-то высокопарный церковнославянский штиль. — Значит, они, по-вашему, неспособны. Хорошо. А кто способен? Почему письма получает только отец Александр?

— А откуда такой вывод? — мгновенно парировала женщина.

— Я идиот, — после долгой, очень долгой паузы честно признал Сёма, чувствуя, что под её насмешливым взглядом его уши и скулы наливаются горячим. — Прошу прощения. В таком случае, где мы можем увидеть отца Варсонофия и отца Иоанна?

Отец Иоанн, по словам Марфы Петровны, был неделю назад вызван «в край» и тем из списка подозреваемых в первом приближении как бы исключался, а отец Варсонофий обнаружился в пристройке к храму, которая тоже как-то мудрёно прозывалась.

Но и этот визит ни к чему не привёл. Отец Варсонофий, низкорослый, но вполне себе

плотного телосложения, живо напомнивший Сёме брата Тука из английского сериала про Робин Гуда, недавно показанного по телику, так непритворно изумился и огорчился, узнав про подмётные письма, что стало ясно: он, скорее всего, тоже ни при чём. Сёма скороговоркой попросил его ничего не говорить отцу Александру об их визите. И, попрощавшись, вместе с безмолвными спутниками направился к церковным воротам, провожаемый всё той же Марфой Петровной, которая, видимо, желала удостовериться, что непрошеные пришельцы свалили в даль светлую.

— Вы, случаем, не бывшая учительница? — не удержался Сёма от последнего вопроса, уже выходя в калитку, но Марфа Петровна только скупой улыбнулась сухими тонкими губами.

— Интересная женщина, — подал голос Энтони, когда они отошли на несколько шагов. — Похожа на... — он запнулся. — Боярыня Морозова.

Сёма только крякнул и пробормотал себе под нос:

— Паки и паки. То есть дондеже. Короче, надо идти по соседям попа.

— Пионерская, 4, 37, — тут же отреагировал Толян. — Только он сейчас, наверное, как раз дома, если тут его нет.

Они потоптались около церкви, раздумывая, как поступить, пока осмелевшие путаны из припаркованных напротив двух белых «тойот» и вишнёвого «ниссана» не принялись призывно помахать им, явно забавляясь. Тут Сёма кое-что сообразил и соображение озвучил:

— Сейчас, кажись, должна вечерняя служба начаться. Наш терпила, — он нарочно употребил это жаргонное словцо, которое ему самому не нравилось, но хотелось как-то перебить пафос момента и места, — придёт сюда, а мы, наоборот, пойдём к нему.

— А с чего ты взял, что он сюда придёт? — наморщил лоб Толян. — Он же вроде как уже тут утром... того... отдежурил.

— Он поп, — отрезал Сёма, — а не вахтёр. Обязан, значит, или присутствовать, или служить. Наша служба и опасна, и трудна.

— Учитывая всё происходящее, ещё как, — подтвердил Толян со вздохом. — Пошли тогда пожрём в «Пикнике».

Жральня под названием «Пикник», она же «Разорви хлебало» (в народе) славилась по городу огромными, в руку толщиной и с ладонь диаметром, бургерами. Правда, вместо макдаковских салатных листьев там фигурировала капуста, горчица была ядрёной «Русской» и вышибала из клиентов слёзы и сопли, а сама котлета являлась свиной, а вовсе не говяжьей, но это, право, были мелочи жизни.

Так что опера с некоторым злорадством понаблюдали, как англичанин, хлюпя носом, справляется с заказанным чизбургером, сами тяпнули по такому же, запили всё это дело жидким чаем в пакетиках и пешком отправились к дому на Пионерской, четыре. Погода была почти что летней, вдоль остановок и магазинов стояли у своих ящиков бодрые азиатские торговцы овощами и всякой всячиной, в лужах прыгали воробьи, а под сияющим памятником Ленину трое пацанов в чёрных футболках в «анархиями» и «пацификами» наяривали на гитарах и орали что-то вроде: «Но на фуражке на моей серп и молот и звезда, как это трогательно — серп и молот и звезда...»

«Чёрт-те что», — подумал Сёма, косясь на англичанина.

— Панки? — предсказуемо заинтересовался тот. — Оппозиция? Лимонов?

— Хрениция, — пробурчал Сёма. — Рокеры.

Тони, подумав, кивнул и сообщил, что рок — всегда музыка бунта. Они свернули под вонявшую кошками облупившуюся арку, стены которой тоже были обильно расписаны «анархиями», «пацификами» и простыми русскими словами из трёх и пяти букв с иллюстрациями.

Сперва они изучили дом священника снаружи: стандартная брежневская пятиэтажка без дополнительных входов-выходов, подвалы заперты на внушительные замки, и в подвальные окошки под силу проскользнуть только особо юрким котам.

Потом все зашли в подъезд без новомодного кодового замка и поднялись по лестнице на третий этаж, где в квартире 37 и проживал отец Александр. Дверь была аккуратно обита коричневым дерматином — уж не сам ли священник постарался? Под зелёным резиновым ковриком у двери не лежало никаких писем, равно как и в скрипучем почтовом ящике, проверенном ими на втором этаже.

— Наш поп отсутствует в квартире большую часть времени, — хмуро сообщил Сёма то, что и так было понятно. — Забегает среди дня поесть и потом приходит на ночь. Он и правда такой... идейный, рвётся нести людям свет добра с двух рук. Как джедай.

— Ну и кому-то это очень не нравится, — подытожил Толян, а Энтони вдруг серьёзно сказал:

— Он, как это выразиться... под-виж-ник.

— Да уж, — Сёма уныло почесал в затылке. — Так что, по соседям пойдём? Или не будем компрометировать подвижника?

— Кто-то поднимается, — вполголоса предупредил Толян, насторожившись.

Внизу действительно громко хлопнула подъездная дверь с растянутой пружиной, слышались шаркающие шаги. Поднимался явно пожилой человек, кряхтя и покашливая. Все трое притихли.

Вскоре на лестничной площадке под ними появился грузный старик в поношенном коричневом костюме с орденскими планками на груди, и Энтони восхищённо поднял брови. А старик, в свою очередь, вопросительно уставился на оперов.

— Я спрошу, — вполголоса бросил Сёма и поспешил вниз, шагая через ступеньку.

— Здравствуйте, мы из милиции, я оперуполномоченный Сёмин, — быстро сказал он, не дожидаясь вопросов явно озадаченного старика. — Вы в какой квартире проживаете?

— Вон в той, в тридцать восьмой, — протянул старик, и остальные быстро переглянулись. — Меня Николай Иванович зовут. Севастьянов.

— Мы по поводу вашего соседа, священника, то есть Александра Богданова, — продолжал,

слегка приободрившись, Сёма.

— Саша в чём-то провинился? — удивлённо спросил старик, и Сёма отметил про себя это «Саша». Значит, соседи были хорошо знакомы и тепло друг к другу относились. Собственно, о чём упоминал и сам священник.

Старик тут же подтвердил этот вывод, проговорив сквозь одышку:

— У меня никого нет, а он мне всегда продукты покупает. Я пишу ему список, и он приносит. И лекарства. Мне тяжело отходить далеко от дома, а пришлось бы искать покупки подешевле. Вы же знаете, как это бывает сейчас. Всё втридорога.

Сёма молча кивнул. Он знал, что бабульки с дедульками порой обходят все окрестные магазины в поисках дешёвых продуктов. Они никак не могли привыкнуть к законам рынка и к тому, что на ценниках стремительно прибавляются нули. А ещё он подумал, что отец Александр наверняка добавляет к деньгам этого одинокого старика свои собственные.

— Я сам неверующий. Коммунист я, — закончил Николай Иванович с гордостью. — Но Саша — очень хороший человек. Советский, — он подчеркнул последнее слово.

— Тимуровец, — полушёпотом пробормотал позади Толян, и Сёме захотелось показать ему кулак, но он удержался.

— У нас к нему нет никаких претензий, — успокоил он старика. — Наоборот, это его преследуют какие-то... не очень хорошие люди. Пишут ему довольно поганые анонимные письма. Хотят, чтобы он уехал из города. Вы не замечали в подъезде посторонних? Например, тех, кто рассовывает какие-то бумаги по почтовым ящикам?

Старик сухо усмехнулся:

— Молодой человек, а разве в ваш подъезд не носят выборные агитки, рекламы, дрянь всякую?

— Носят, — вздохнул Сёма, разводя руками. — Так что, встречали таких?

— Каждый день, — подтвердил старик. — Но Саша ничего не говорил о том, что его... преследуют.

— Понятно, — снова вздохнул Сёма. — Извините за беспокойство, мы пойдём. Всего доброго.

— Молодые люди, — крикнул им вслед старик, когда они уже спустились на пролёт ниже, к пресловутым почтовым ящикам. — Но вы же можете устроить тут засаду. Подождать этого злоумышленника и схватить его буквально за руку.

— Он при нас навряд ли будет что-то раскладывать, свалит — и всё, — кисло возразил Сёма.

— Но на вас же не написано, что вы из милиции, — живо парировал старик, видимо, пересмотревший детективов. — Вы можете изобразить этих... как их... криминальных элементов. И стоять на нижней площадке. Вы подумайте, — убеждённо закончил он.

Сёма кашлянул, представив себе, как выкладывает Гризли обоснования для такого, с позволения сказать, розыскного мероприятия. Как будто заняться больше нечем, вот что

скажет на это Гризли. И будет прав.

— Непременно, — вежливо пообещал он старику, и все трое вывалились из подъезда.

Но засаду всё же устраивать пришлось, причём при самых странных обстоятельствах.

* * *

Сперва, как говорится, ничто не предвещало. На другой день после посещения церкви для развлечения приезжего инспектора пришлось-таки задействовать дядю Митю. Опера во главе с Тони, полным энтузиазма, долго торчали в кустах у протоки, благо мошка в мае ещё не доводила до белого каления. Они успели даже загореть, пока дядя Митя проверял свои сети и извлекал на свет божий двух сазанов устрашающего размера и трёх просто здоровенных толстолобиков. Потом брали вполне натурально возмущавшегося «браконьера» в кольцо и идентифицировали улов. Потом выпускали рыбу обратно в протоку и доставляли дядю Митю в отделение. К концу всей этой возни опера и инспектор изрядно умотались. Сёма меланхолично размышлял, почему они не конфисковали и не пожарили рыбу сами, под тот дагестанский коньяк, который теперь предстояло отдать довольному дяде Мите. Из сазанов можно было настругать вполне приличную талу.

Но, в общем и в целом, день прошёл совершенно идиллически, и Тони, захваченный таёжной экзотикой, о злоумышленниках, преследующих попа, даже не вспоминал.

Они напомнили о себе сами, вернее, о них напомнил отец Александр, ворвавшийся в отделение утром следующего за благостной рыбной ловлей дня.

— Теперь у меня в коридоре кто-то ходит, — взволнованно объявил он с порога.

Сёма, который в это время как раз допивал свою кружку с «Нескафе Голд», едва не поперхнулся.

— В каком смысле — в коридоре? — осторожно поинтересовался он, уставившись на потерпевшего. — Прямо в вашей квартире, что ли?

— А письма были? — одновременно с ним спросил Энтони, вскочив с места.

— Писем не было, — качнул головой священник. — Но... вы понимаете, из коридора доносились такие звуки, будто бы там кто-то ходит в лапах. Что-то шлёпало по полу, в общем. И кто-то смеялся. Очень тихо, знаете, но явственно. И так... зловеще.

— Что-о? — совершенно офигел Сёма. — Ласты? Какие ещё ласты?

— Я понимаю, как вам это всё дико слышать, — виновато пробормотал отец Александр, переводя умоляющий взгляд с него на Толяна, а потом на Энтони. — Но... мне, право, очень страшно.

Голос его упал до шёпота.

— Что же вы сделали, услышав эти звуки? — сухо осведомился Сёма. Рассказанное не укладывалось у него в голове. Ласты? Смех? Батюшка что, тронулся умом на нервной почве?

— Я, честно говоря, заперся в спальне. Сидел и молился, — признался отец Александр, кротко и смущённо взирая на них. — Впал в грех уныния. К рассвету эти звуки затихли, и я решился выйти.

— И что вы смотрели? То есть увидели? — быстро спросил Тони.

Священник тяжело вздохнул:

— В том-то и дело, что ничего. Дверь квартиры была вечером заперта мною изнутри, таковой и осталась. Окно на кухне тоже были заперто. Но на полу в коридоре... было что-то вроде... слизи.

— Слизь, — машинально повторил Сёма, и священник энергично закивал:

— Похожей на рыбью.

— У меня версия, — встрял Толян, обожавший всякие публикации в жёлтой прессе про НЛО и колдунов вуду. Глаза у него азартно блестели. Неприличные письма с угрозами — подумаешь! А вот рыбья слизь, шлепки по полу и тихий зловещий смех в запертой изнутри квартире — это да, это круто! Короче, Сёме ужасно захотелось дать коллеге в бубен. Однако он процедил:

— Излагай.

Но тут же об этом пожалел, когда Толян приосанился и провозгласил:

— Таёжные духи!

— Что-о? — в очередной раз взвыл Сёма.

— Ну, местные духи, им не нравится, что... вот... церковь, — пояснил Толян уже более косноязычно. Вот они и приходят. Чтобы пугать. А что? Вполне.

— Письма тоже духи пишут? Ластами? Или, может, это русалка была? Шлёпала хвостом, — процедил Сёма и, видя, что товарищ открыл рот, собираясь что-то ещё сморозить, страшным шёпотом прошипел: — Толян, заткнись или получишь по репе.

Толян мгновенно заткнулся, зная: когда Сёма в таком настроении, его лучше не злить.

— Посоветуйте, что мне теперь делать, — решился робко спросить отец Александр, видя, что обстановка в кабинете оперов заметно накалилась.

— Сейчас товарищ Охрименко составит протокол, запишет ваши показания, — отрывисто сказал Сёма. — Понаблюдаете за происходящим ещё и сегодняшней ночью, а я к начальству схожу. Надо определиться... с планом оперативно-розыскных мероприятий.

Он стремительно вышел из кабинета и отправился искать Гризли. Сил у него уже больше не было ковыряться в этой бесовской тягомотине, он же не экзорцист какой! Пусть капитан скажет своё веское слово.

И капитан сказал. Но сперва он внимательно выслушал опера, изложившего всё как на духу, в подробностях, включая визит в церковь и осмотр места происшествия, то бишь подъезда дома номер четыре по улице Пионерской, где проживал батюшка. Не утаил и того, как они

провели вчерашний день — можно сказать, на пикнике за ловлей дяди Мити. Ну и завершил он свой рассказ ночным щёлканьем ластами по половицам поповского коридора. Наконец он выдохся, умолк, схватил графин с водой, стоявший на сейфе с табельным оружием. Вода была тепловатой и тухловатой, но Сёма осушил графин прямо из горлышка, утёр рот, лоб и плюхнулся обратно на стул.

— Самое ведь хреновое, товарищ капитан, — жалобно пробубнил он, видя, что Гризли молчит, сцепив перед собой пальцы и глядя в стол, — что наш Тоха, то есть господин инспектор, увлёкся этим попом и всей этой катавасией не на шутку и теперь не отцепится до самого отъезда.

Гризли поднял на него тяжёлый взгляд, и Сёма моментально умолк.

— Значится, так, — веско проговорил Гризли, совсем как Глеб Жеглов, все они фильм с Высоцким знали наизусть, — нехай себе господин инспектор работает по этому делу. Под вашим чутким руководством, естественно. Главное, чтобы не лез в разборки наших спартаков с гопарями и всё такое прочее, он там головы не сносит, сам понимаешь. И ты прав, он скоро свалит отсюда в свою Великую Британию. Так что даю вам карт-бланш на засаду в коридоре у батюшки и на всё, что вы там ещё придумаете. Развлекайтесь. Всё это так, благорастворение воздушных.

Оказывается, Гризли тоже знал разные церковнославянизмы.

Но он ошибался.

* * *

Когда Сёма вернулся в кабинет оперов, отец Александр, по счастью, уже ушёл, написав «цидульку», как выразился осторожно поглядывавший на товарища Толян. Сёма успокаивающе помахал ему рукой — не ссы, дескать, я уже остыл. Он бегло проглядел «цидульку» и коротко пояснил, что капитан, мол, даёт добро на проведение оперативно-розыскных мероприятий, если таковые понадобятся. Тони опять расцвёл и горячо закивал, Толян скептически хмыкнул, правильно истолковав взгляд Сёмы на англичанина — чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не спичками.

— Мы организуем там... э-э-э... засаду, да? Как говорил тот боевой пожилой... товарищ? — жадно спросил Тони, блестя глазами. В Скотланд-Ярде ему явно не хватало адреналина, а возможно, его так возбуждала царившая в этом дельце атмосфера лёгкой чертовщинки.

— Надеюсь, что не понадобится, — дипломатично отозвался Сёма, но позволил приткому бриту отлучиться вместе с Толяном и Эдиком на Пионерскую, четыре, дабы получше изучить место предполагаемой засады. Сам же он после отъезда раздражающих элементов перекрестился, что называется, двумя руками и отправился наконец обследовать недоограбленный ларёк на углу улицы Одесской.

Хорошенькая продавщица Алия, прибывшая, как и хозяин ларька Тимур, на заработки из страны ближнего Зарубежья, радостно закудахтала при виде Сёмы и набила ему карманы «сникерсами» и семечками. Так что расследование с самого начала задалось. Тамошнюю публику он хорошо знал и быстренько вычислил напавших на ларёк долбозвонов, которые даже отпираться не стали, раскололись, как перезрелые арбузы. Оба недавно вышли с зоны, где сидели за «хулиганку».

Вызвонив Эдика и закинув их в КПЗ, Сёма заполнил гору бумаг и с чувством исполненного гражданского и профессионального долга отправился домой. Ему срочно требовалась разрядка. Поэтому вместо собственной холостяцкой квартиры он зарулил к Светке, проходившей в его номенклатуре как «подруга бойца», выгрузил перед нею семечки, «сникерсы» и бутылку «Амаретто», купленную там же, у Алии. Светка чиниться и ломаться не стала, приветила Сёму как полагается подруге бойца, то есть накрыла стол, где главным украшением стали запечённые в духовке «ножки Буша» и маринованный папоротник, и оставила ночевать.

Ночью Сёма проснулся от странного ощущения. Ему показалось, что он слышит чей-то тихий злорадный смех. Рассказ попа, что ли, произвёл на него столь неизгладимое впечатление? Впечатлительным он сроду себя не считал, всё-таки и в армейке отслужил, и в райотделе вон сколько отработал. Он покосился на безмятежно сопевшую рядом Светку и на цыпочках отправился на кухню покурить.

Пока курил в форточку, снова так и сяк ломал голову, что же такое могло шлёпать по полу в коридоре у злосчастливого попа. А смех? Смех ему, как и попу, тоже привиделся, что ли?

«Ерундистика это всё и опиум для народа», — решительно заявил он сам себе, возвращаясь в постель к тёплой Светке и запуская обе руки под её ночнушку. Светка не возражала. Так что Сёма заснул совершенно ублажённый и с затаенной надеждой, что завтрашнее утро пройдёт без потусторонних явлений.

Увы! Наутро стало ясно, что лёгкая чертовщинка на глазах переросла в тяжёлую. Батюшка уже ожидал оперов, нервно топчась возле крыльца райотдела, и, даже не поднимаясь на него, выпалил:

— Там теперь кровь!

— Так, — после паузы выдохнул Сёма, переглянувшись с Тони и Толяном. — Где именно?

— У меня в коридоре, — севшим голосом пробубнил отец Александр. — И это были не ласты. Это были ладони. Шлёпали. Там отпечатки. Кровавые. То есть следы. И только ладоней. А отпечатков ног нет. — Он умолкал чуть ли не после каждого слова, будто ему было трудно говорить.

— Может, просто краска? — брякнул Толян.

— Вы снова заперли дверь, окно и дверь? — перебил его Тони, подходя к отцу Александру.

— Разумеется, — пробормотал тот, взирая на англичанина со вспыхнувшей надеждой. На англичанина, а не на родных оперов! Вот ей-богу, снова обидно стало.

— Поехали, посмотрим, — кратко распорядился Сёма.

Эдик на «бобике» куда-то умотал с Котом и Мазаем, и ехать на место предполагаемого происшествия пришлось на трамвае. Батюшка отпер дверь, и друг за другом, гуськом, все осторожно проникли в квартиру. Сёма нажал на выключатель у косяка, и в коридоре вспыхнул неяркий свет тускловатой лампочки.

В этом свете на вытертом линолеуме стали отчётливо видны бурые отпечатки больших, явно

мужских ладоней, нашлёпанные по всей площади довольно длинного коридора, который разветвлялся, упираясь одним концом в кухню, другим — в спальню. Стандартная планировка. Сёма почти что на цыпочках проник в кухню, где тоже хватало отпечатков на полу. Окно же было накрепко заперто — он специально подёргал за шпингалет.

— Вызываем эксперта, — буднично сообщил он. — Всё, шуточки закончились. У кого-нибудь из ваших соседей есть телефон? — повернулся он к священнику.

— У Николая Ивановича, в тридцать восьмой квартире, — предсказуемо сообщил тот, и к ветерану побежал расторопный Толян, снова преотвратно обрадованный происходящими паранормалиями. Сёма про себя решил, что непременно вломит коллеге, как только англичанин исчезнет из поля зрения.

Пока ждали эксперта Васю Савельева с его фотоаппаратом и оборудованием, мрачно сидели на кухне. Батюшка засуетился было с чаем, но Сёма махнул на него рукой. Ничего в горло не полезло бы, проклятые ладони так и притягивали взгляд.

— Кстати, — совсем некстати заинтересовался вдруг Толян, повернувшись к бриту, — а ты у нас тут пьёшь чай в пять часов вечера? Ну, фэйф-о-клок этот ваш?

Сёма раздражённо скривился, а Тони кротко произнёс:

— Нет.

— А почему? — не отлипал Толян.

— Я люблю какао, и я нахожусь на работе весь день, — отрапортовал Тони. Тут наконец явился эксперт Савельев, и началась привычная рутина: вспышки фотоаппарата, снятие отпечатков ладоней, соскобы проб с пола, стола и подоконника.

Забрав у бабушки ключи и строго-настроено приказав ему сегодня в квартиру больше не являться по причине намеченной милицейской засады, а переночевать хоть у матушки Марфы, хоть у кого-нибудь из коллег по цеху, опера снова поспешили в райотдел вместе с экспертом. Через четверть часа они уже сидели в кабинете у Гризли, тоскливо пялясь на портрет Дзержинского над начальственным креслом. Гризли не захотел его снимать даже под ветром новых веяний, сообщив, что, мол, привык к нему и без «железного Феликса» его мыслительные процессы будут проходить не столь интенсивно.

Сейчас в голове у Сёмы напрочь отсутствовали какие бы то ни было мыслительные процессы вообще. Он деревянным голосом произнёс:

— Вася говорит — кровь.

— Ясно, — отозвался Гризли и хмуро посмотрел на бодрого Тони. В этом взгляде явственно читалось: «Тебя тут только не хватало», но Гризли умел держать удар и всегда мужественно встречал жопу грудью, чему и подчинённых учил. Если от инспектора невозможно было отвяжаться, его следовало задействовать, и вся недолга.

— Кстати, — буднично продолжал капитан, — а ваш отец Александр не мог всю эту лабуду, — он пошевелил пальцами в воздухе, — инсценировать?

Толян и Тони, переглянувшись, замотали головами, а Сёма, поскольку вопрос был адресован

главным образом ему, как старшему опергруппы, честно подумал и ответил:

— Не похоже. Он такой... идеалист и божий одуванчик, даже стыдно перед ним.

— Э-э? — Гризли вскинул бровь. — Стыдно? Чего тебе стыдиться?

— Ну ... — Сёма замялся, понимая, что ляпнул это сдуру. — Мы все по сравнению с ним адовы грешники и вообще какие-то монстры.

— Монстры-то монстры, но спасти его будете именно вы, — Гризли махнул рукой. — Ладно, хорош тут философию разводить, излагай план мероприятия.

— Прибудем на место происшествия в двадцать один ноль-ноль, — оттарабанил Сёма, — закрём двери и окно проверим, подготовим оружие и будем ждать.

— Где именно ждать? — уточнил Гризли, который обычно такими мелочами не шибко интересовался, отдавая процесс на откуп подчинённым: ему был важен результат.

— В спальне, где ж ещё, — пожал Сёма плечами, но Гризли продолжал взирать на него терпеливо, как умудрённый опытом педагог на трудновоспитуемого подростка, и тут до него дошло: — Чёрт... один в спальне, один в кухне, один на лестничной площадке пролётом выше.

— Хорошо, — смилостивился Гризли. — Учитывайте, что сидеть придётся всю ночь, до рассвета.

— До первых петухов, — пробормотал Толян. — Так положено, — спохватившись, добавил он под строгим взглядом капитана. — Всякая нечисть... это... должна исчезнуть с первыми лучами солнца. И криком... хм... петуха.

— Должна, но не обязана, — буркнул Гризли. — Ладно, идите уже с богом. Живьём брать демонов!

На его угловатом лице не было и тени усмешки.

* * *

Кто где будет караулить «демонов», распределили быстро. Тони, как необкатанное пока что в деле звено, оставили в спальне, которую на сей раз не стали запирать изнутри. Толян устроился на кухне, поближе к холодильнику, как он сам объяснил, весело скалясь. Сам Сёма, расставив остальных по их постам, бесшумно поднялся пролётом выше и застыл у подоконника, испещрённого вырезанными и выцарапанными там надписями, по большей части матерными.

Дверь в квартиру они тоже не стали запирать. Если нечисть, преследующая попа, в самом деле нечисть, в чём Сёма очень сомневался, она просочится и сквозь запёртую дверь, как было и раньше. А вот самому Сёме, если внутри хаты начнётся заварушка, попасть туда будет трудно.

Тони ещё что-то мёл про какие-то «радиотелефоны» для связи друг с другом, но его никто не понял, предположив, что речь идёт о портативных рациях. Такой роскоши, естественно, в

райотделе не водилось, и Тони, поняв это, лишь грустно вздохнул.

Опять же для чистоты эксперимента Сёма дал отцу Александру разрешение — по его настоятельной просьбе — перед уходом вымыть пол, «украшенный» отпечатками ладоней. Окровавленных, как хмуро сообщил операм эксперт Вася Савельев. Что за хренотень, кому только могло прийти в голову заниматься такой фигнёй, устало думал Сёма, прислонившись к стене, тоже испещрённой «наскальными росписями».

К его большому облегчению, остальные жильцы подъезда вверх и вниз по лестнице практически не сновали, видимо, к девяти вечера они хотели только ужинать и спать. Он бы тоже от такой роскоши не отказался. На пятый этаж мимо Сёмы прошла лишь весёлая и хмельная молодая пара, вернувшаяся, видимо, из гостей. Сёма предусмотрительно повернулся к ним спиной, тупо пялясь в немытое окно подъезда. Но они обратили на него не больше внимания, чем на забытые кем-то на половике чёрные сланцы, продолжая рассказывать друг другу про какого-то Гошу и заливаясь при этом пьяным смехом.

А потом в подъезде наступила тишина, иногда нарушаемая только пробивавшимися даже сквозь стены и двери бодрыми выкриками Якубовича и гвалтом зрителей на «Поле чудес».

— В стране дураков, бля, — раздражённо пробормотал Сёма, это глумливое название, прямо намекающее, что все они живут в стране дураков, бесило его с первой же передачи. Он глубже засунул кулаки в карманы спортивной куртки и ссутулился, продолжая бездумно тарачиться на свой силуэт в заляпанном оконном стекле.

Он неистово завидовал сидящему сейчас на мягком диване Тони, а также Толян, который, к бабке не ходи, пристроился к поповскому холодильнику. Сам же Сёма не имел возможности даже присесть. Разве что на подоконник, вспомнив удалую пору отрочества, когда они сидели вот так в чужих подъездах, болтая и пересмеиваясь. От нечего делать он принялся читать «наскальные» надписи и добросовестно прочитал всё, что смог разобрать, начиная с «Nautilus Pompilius» и заканчивая «Машка из 69 сосёт».

И тут кто-то пискнул за его спиной.

Мгновенно обернувшись и чувствуя, как по шее сзади пробегает холодок, он сперва не увидел никого. Но, опустив глаза, всё-таки заметил тощую пёструю кошку, бурую, в чёрных и жёлтых мазках, похожую на картину импрессионистов. Кошка глядела прямо на него, будто чего-то просила. Жратвы, чего же ещё, машинально решил Сёма и так же машинально позвал:

— Кыса, кыса.

Кошка вновь откликнулась каким-то неясным жалобным стоном, даже не похожим на мяуканье, и вдруг оцетинилась, выгибая худую спину дугой. Шерсть у неё на загривке поднялась дыбом, хвост распушился посудным ёршиком. Но устоялась она уже не на Сёму, а на противоположную от него стену. Потом развернулась и исчезла так же внезапно, как появилась, порскнув вниз по ступеням — очевидно, в подвал или на улицу.

И звук, который Сёма услышал буквально через мгновение, издавала вовсе не кошка. Тихий, почти за пределами слуха... смех? Да, смех. От этого звука у Сёмы заледенела не только шея, но и спина, и волосы на затылке встали дыбом, как шерсть у кошки. Звук стал ещё омерзительнее, когда к нему присоединилось лязганье, очень похожее на скрежет огромных ножниц.

— Что за херь, — прошептал Сёма непослушными, будто пластилиновыми, губами и потряс головой, чтобы хоть немного прочухаться. Лязганье и смех оборвались, и ещё через мгновение он вовсе не был уверен, что вообще это слышал.

Ему отчаянно захотелось вернуться в квартиру попа и увидеть озабоченные и, самое главное, живые рожи Тони и Толяна, но он сдержался. Вместо этого он стремительно сбежал по ступенькам — к стене, на которую глазела кошка. Туда едва доходил свет тусклой подъездной лампочки, но под определённым углом, как раз если встать несколькими ступенями ниже, стало видно, что на стене — гвоздём или ещё чем-то острым — была процарапана ладонь.

Огромная растопыренная пятерня.

— М-мать... — прошептал Сёма, сам не понимая, ругается он или зовёт свою давно умершую маму, а возможно, взывает к Богородице.

Он моментально вспомнил, как в прошлом году точно так же он сам, Толян и Гризли стояли в четвёртом подъезде тридцать четвёртого дома по улице Таёжной. Там на стене столь же грубо и схематично был процарапан силуэт огромного пса с разинутой пастью... а в самом подъезде творилось страшное.

Совпадением такое быть не могло.

В три прыжка Сёма достиг двери в квартиру попа и рванул ручку на себя.

С первого же взгляда ему стало ясно, что ничего «эдакого» внутри не происходит: парни, слава те господи, смиренно сидят там, где он их оставил. Из комнаты озадаченно выглянул взъерошенный Тони, явно расположившийся в отсутствие старшего на поповском диване, а в кухне зашебуршился Толян. Все были живы и здоровы.

— Толь, поди-ка сюда, посмотри, — задыхаясь, выпалил Сёма, и напарник, конечно, тут же очутился рядом с ним, как и Тони.

Не тратя времени на объяснения, Сёма повёл обоих за собою в подъезд. Увидев ладонь на стене, Рыжий длинно свистнул и поёжился, а Тони негромко спросил:

— В чём дело?

И протянул было руку к процарапанному силуэту, но Сёма его удержал.

— В прошлом году дело было, осенью, — с натугой проговорил он. — Улица Таёжная, тридцать четыре, четвёртый подъезд. Мужик вышел ведро вынести вечером, как раз после девяти, а его потом нашли с разорванным горлом. И отпечатки собачьих лап вокруг. Кровавые. Только саму собаку никто не видел. Но на стене над трупом как раз вот так же типа пёс оскалившийся был нацарапан. Прямо вот так же — схематично. А тут — ладонь. И в квартире.

— Отпечатки ладоней, — бесцветным голосом закончил Тони. — Я понял.

Он всё-таки протянул руку и коснулся пальцем борозды на стене.

— Не такая уж и свежая, — приглядевшись, объявил Толян. — Может, просто совпадение, Сём? Ты же не думаешь в самом деле, что... — он запнулся.

— Я уже не знаю, чего думать, — тяжело проговорил Сёма. — Смотрите. Там был процарапан пёс. Как будто знак. И мужика порвала псина. Мы её потом нашли.

— То есть... — перебил его Тони, — у происшествия разумное... логичное объяснение было?

Сёма кивнул:

— В подъезде хмырь один жил, а у его братана пёс был бойцовой породы. Кажись, стаффордшир. Знаешь такого? Ну вот, братан на этом псе очень хорошо наживался, он его на собачьи бои выставлял. У нас это запрещено, и всё было шито-крыто. Но тут хозяин уехал в отпуск, а чувак, который за псом приглядывал, загремел в больницу. И этот хмырь из четвертого подъезда забрал сраную собачку Баскервилей себе. Ненадолго, до возвращения брата всего ничего оставалось. Но с собачкой-то надо было гулять, и притом так, чтоб никто не заметил, что она у него вообще живёт. Оба этих урода параноили страшно, что конкуренты что-то нехорошее с такой ценной собачкой учинят. Отравят, например. Так хмырь её в спортивной сумке, здоровенной такой, до лесополосы доносил и там уже гулял с нею. А она из сумки взяла и вырвалась в один непрекрасный миг. И загрызла соседа.

— А потом меня хотела, — с неприкрытой гордостью поведал Толян, — а Сёма её застрелил, когда она кинулась.

— Как? — ахнул Тони, переводя ошалелый взгляд с одного на другого.

— Да вот так же мы в засаде в том подъезде сидели, — объяснил Сёма, — и увидели, как хозяин...

— Возницын Глеб Павлович, 1960 года рождения, ранее несудимый, — подсказал Толян.

— Как Возницын её выносит. Гризли тогда сумку просто ногой поддел...

— Зачем? — снова не понял Тони.

— Ордера-то на обыск у нас не было, а что там собака может быть, мы уже догадывались, — пояснил Сёма. — Пёс внутри закувыркался, сумка выпала, «молния» разошлась... ну и началась катавасия.

— Стафф этот на меня бросился, — с прежней гордостью произнёс Толян, — ну, Сёма его и того. Положил из ПМ-ки. Возницын сел, кажись, на четыре года. Соседа-то он, считай, убил и скрыл этот факт.

Сёма сам произвольно поёжился и снова взглянул на ладонь на стене.

— Тоха, — хрипло спросил он, — я дурак, если мне логическая связь между этими... картинками на стенах мерещится?

Тони подумал, поморгал и решительно качнул головой:

— Нет. Не дурак. Скажите, были ещё какие-то происшествия? В том месте, где собаку на стене... нарисовали?

— Нет, — пробормотал Сёма. — По крайней мере, к нам больше никто не обращался. И вот ещё что, мужики, — он на миг осёкся, — я слышал смех. Ну, про который поп говорил. Что,

мол, смеётся кто-то. Тихо так, противно. Посмеялся и перестал. Вроде как надо мною. И что-то скрежетало, знаете, как большие ножницы щёлкают, — он изобразил в воздухе пальцами, как двигаются лезвия ножниц, и его опять пробил озноб.

— Здесь? Сейчас? — выдавил Толян, озираясь. — И ты тут один столько просидел? Ну ты силён, Сём, — он уважительно похлопал друга по плечу.

— Какое там «силён», — досадливо поморщился тот, — сразу за вами дёрнул.

— Момент, — снова заговорил Тони, хмурясь всё больше. — То есть подождите. Там, тогда, собака была на стене — и настоящая. Здесь — ладонь. На стене. Но... чья ладонь была настоящая? Кого-то найти хотело... нечто с той стороны...

— Нечто потустороннее, — шёпотом подсказал Толян.

— Потустороннее, да, — Тони пошевелил губами, подбирая слова. — Если нечто желало призвать собаку и оставило знак, оно призвало. Здесь нечто призвало кого?

— Господи, слышал бы нас Гризли, — простонал Сёма, присаживаясь прямо на ступеньку. — Какой же херью приходится заниматься... Ладно. Ладно, — он вдруг вскочил. — А наш батюшка не говорил, где он собирается сегодня ночевать?!

— Н-нет, — проямлил Толян, растерянно уставившись на старшего. — Что-то я не вкумекаю, Сём, к чему ты клонишь, — признался он дрогнувшим голосом.

Как ни странно, быстрее всего «скумекал» англичанин.

— Ладонь есть, — он разогнул один палец, прижатый к собственной ладони, и взглянул на стену. — Есть предположение, что существует нечто, — от волнения он начал путаться в формулировках и разогнул второй палец. — Где тот человек, который должен осуществить замыслы нечто? — третий палец. — Они же идут в тандеме. В связке.

— И в чём состоят эти замыслы? — Сёма понизил голос, ужасаясь тому, какую лабуду они на полном серьёзе тут обсуждают, и опасаясь, что на лестничную площадку сейчас повылезают соседи попа, привлечённые нездоровым галдежом снаружи. Того и гляди милицию вызовут!

Тони пристально посмотрел на него:

— Ты же не веришь в это? У тебя вообще нет веры?

— Верю в истину, добро и красоту, как каждый честный мент, — Сёма тяжело усмехнулся. — Если у этой нечты был замысел напугать или затравить нашего попа, она должна была найти человека, который будет этим для неё заниматься. Этого человека мы тут и ждём. Он не пришёл. Пока что. Так?

Тони в очередной раз кивнул и уверенно сказал:

— У меня мнение, что такой человек сегодня не придёт. Священник должен быть дома и должен быть один, чтобы он пришёл. Понимаете? Нечто знает, что его тут нет.

Во всём этом бреде всё-таки была какая-то логика, черт дери, с тоской сообразил Сёма.

— Знать бы, где ночует поп, — пробормотал он со вздохом. — Я идиот, не спросил вообще. Остаётся только ждать утра.

— И молиться, — спокойно добавил вдруг Тони. И даже слегка улыбнулся, когда опера ошалело уставились на него.

— Иди ты, — проворчал Сёма.

Они вернулись в квартиру, уже действительно не ожидая никаких «подосланцев», и даже прикорнули — кто на диване, кто прямо на ковре.

А наутро, когда они явились в райотдел, мрачный, как туча, Гризли, сообщил им, что на пустыре за церковью нашли отца Александра. Горло его было перерезано, предположительно, ножницами, найденными рядом с телом. По счастью, артерия не была задета, священник потерял много крови, но остался жив и был доставлен в больницу номер два в тяжёлом состоянии.

— Аллес махен, — сурово закончил Гризли, внимательно глядя на онемевших подчинённых. — Работайте, если не хотите, чтобы сюда приехала съёмочная группа НТВ с репортажем про то, как у нас в городе попов режут. Под присмотром британского агента ноль-ноль-семь, — теперь он смотрел на Тони.

Они не хотели.

* * *

В своём кабинете Сёма тут же вскипятил чайник, и каждый из членов опергруппы вбухал в свою кружку столько «Нескафе», что ложка аж стояла.

— Сейчас надо вот что: протокол осмотра места преступления и самим туда съездить, — Сёма опустил на свой стул, машинально дую в кружку. — Потом — результаты экспертизы, как только будут готовы. Встать у Васи над душой.

— Съездить в больницу, — негромко уронил Тони, и все посмотрели на него. Лицо у брита было бледным, под глазами залегли тёмные круги, но так, наверное, выглядел сейчас каждый из них. — Отец Александр будет рассказать... рассказывать... расскажет, как всё было. Прямо сейчас.

Сёма замахал на него руками:

— Да нас просто не пустят к нему. Ты думаешь, он может опознать нападавшего?

— Возможно, — коротко ответил Тони. — А возможно, нет. Но я бы начать... начал с больницы.

Сёма ещё раз внимательно посмотрел на него и сжал губы. У брита были какие-то соображения, продиктованные наверняка только интуицией. В интуицию Сёма как раз верил, она не раз спасала ему жизнь. Интуиция, предчувствие, чуйка, ангел-хранитель — можно было назвать как угодно это ёканье под ложечкой и сосущую пустоту в животе.

Вместо того чтобы надавить на Тоху и вынудить его не мяться, а изложить всё как есть, Сёма

решительно поднялся, одним глотком опрокинул в себя остатки горькой бурды из кружки и твёрдо заявил:

— Поехали тогда в больницу. Начнём с потерпевшего. Но нас не пустят.

В этот раз собственная чуйка его подвела — их пропустили в отдельный маленький бокс, куда по просьбе Гризли поместили отца Александра.

— Перелили кровь, проведена операция, состояние близкое к удовлетворительному, больной в сознании, — лаконично пояснил операм заведованием «травмы». — Поэтому не в реанимации.

Сёма успел прочитать протоколы осмотра места преступления. Он хорошо знал этот пустырь, пересечённый какими-то мелкими овражками и засаженный хилыми деревцами, которые никак не желали расти. Время от времени городская администрация пыталась что-нибудь замутить на этом месте: то крытый бассейн, то автошколу, то что-то ещё. Но пустырь неизменно, при любой власти, оставался пустырём.

А отца Александра в половине шестого утра обнаружил там некий гражданин Бабаев, вышедший погулять с собакой, обычное дело. Он и вызвал «скорую» и ментов, найдя человека в рясе, лежавшего на боку в луже собственной крови. Возле тела потерпевшего действительно валялись большие ножницы типа кухонных. Как уже выяснилось, без отпечатков пальцев.

— Нападавший был в перчатках, — лаконично прокомментировал Сёма, ещё когда они искали вход в приёмный покой недавно отремонтированной больницы, где пару раз приходилось пребывать и ему самому.

— А отец Александр был в перчатках? — неожиданно спросил англичанин, и это прозвучало так, что Сёма даже остановился на ходу, и Толян врезался в него.

— Что ты хочешь этим сказать? — на выдохе проговорил Сёма.

Но тут распахнулась дверь, действительно оказавшись дверью нового приёмного покоя, и они вошли внутрь.

И вот сейчас Сёма решительно осведомился, глядя в усталые глаза заведованием, кажется, доктора звали Андреем Владимировичем:

— Скажите, а когда потерпевшего привезли сюда, вы не помните, были ли у него на руках перчатки?

— Как ни странно, да, были, — чуть помедлив, подтвердил доктор. — Это удивило, да. В конце мая-то. Все в крови.

— Момент, — вмешался Тони. Он сейчас был похож на настоящую ищейку: подался вперёд, худое бледное лицо как-то заострилось, глаза загорелись. — То есть... а какие-то другие порезы у него на теле были?

Доктор снова кивнул:

— На левом предплечье: один свежий, второй — заклеен пластырем.

— Когда была эта рана нанесена? Под пластырем? — продолжал допытываться Тони, а у Сёмы и Толяна глаза буквально полезли на лоб.

Сёма старательно гнал от себя догадку, что именно «скумекал» брит, но... он был всё-таки опер.

— Сутки или двое назад, — отозвался заведованием, подтвердив эту догадку.

— Ладно, — бесцветным голосом проговорил Сёма. — Покажите, как нам пройти к отцу Александру, пожалуйста.

— Вы, похоже, не вполне понимаете, в каком он находится состоянии, — негромко произнёс им вслед доктор, но они не остановились.

...Отец Александр лежал безгласный, совершенно белый, в какой-то больничной распашонке, и горло у него было в бинтах до самого подбородка.

— Мы идиоты, — просипел Сёма так, словно у него самого было перебинтовано горло. — То есть, — почти шёпотом добавил он, увидев, что священник открывает глаза, — здравствуйте, мы сейчас уйдём, извините.

Глаза у отца Александра были огромными и тёмными. В них стояли слёзы. Прикрыв веки, он чуть пошевелил головой на подушке, и Сёма понял.

— Не уходить? — переспросил он.

Брит вдруг прошёл мимо него в выданном каждому из них застиранном белом халате и присел на край постели, рядом с торчащей «ногой» капельницы.

— Отец Александр, — очень мягко произнёс он, — мы же должны знать правду, простите. Если вы подтверждаете то, что я сейчас говорить... скажу... просто прикройте глаза. Хорошо?

Священник на миг опустил веки. Согласился.

Сёма и Толян затаили дыхание. Им было ясно, что брит разбирался в происшедшем лучше них.

— Вы же поняли, что сами делали... всё это? — спросил Тони, и веки отца Александра снова опустились.

— Когда? Когда вы это поняли?

Никто не думал, что священник сумеет ответить, но он вдруг с усилием выпростал из-под одеяла худую руку и поднёс её к своей перевязанной шее.

— Когда нанесли себе травму? — будничным голосом осведомился слегка пришедший в себя Сёма, и священник снова моргнул.

— Вы... чувствовали... почувствовали, — поправился Тони, — что рядом с вашей душой поселилась другая, вы поняли, что это она творит все эти... злые вещи?

Отец Александр закрыл глаза, и из-под его набухших век медленно поползли слёзы. Сёме захотелось отвернуться, но Тони подошел к лежащему и осторожно взял его за руку.

— Дьявол... — прошепел отец Александр одними губами.

— Не вините себя, — взволнованно выпалил Тони. — С вами — это не первый случай. Сёма, ты расскажешь?

И тот, кашлянув, тоже подошел поближе к кровати и рассказал жадно слушавшему священнику про пса на стене подъезда тридцать четвертого дома, про бойцовскую собаку, про гибель человека и про то, как стафф, вырвавшись из сумки, чуть было не загрыз Толяна.

— Оперуполномоченного Охрименко, — поправился он, и Толян закивал, подтверждая. — А тут, — он потёр лоб в замешательстве, — получается, что это нечто выбрало вас. Вы ему где-то дорогу перешли, — быстро добавил он, пытаясь утешить батюшку, но понял, что сказал чистую правду. — Он стремился вас убрать, но вы же победили. Вы победили. Пожалуйста, не надо уезжать. Вы же можете... обратиться за какой-нибудь... епитимьей, что ли. Когда поправитесь.

Бледные губы отца Александра сложились в печальную улыбку.

— Обещайте, что вы подумаете, — закончил вместо Сёмы Тони.

И отец Александр согласно моргнул.

* * *

— Короче, когда он поправится, то даст показания честь по чести, — закончил Сёма свой отчёт внимательно слушавшему Гризли. — Попытка суицида, дело закрыто.

— У него, получается, раздвоение личности, что ли? — пробормотал капитан. — Доктор Джекил и мистер Хайд? Первый раз такое на моём... хм... веку. Как догадался? — он развернулся к бриту, уважительно на него глядя. — Имел дело с чем-то подобным?

Тот энергично кивнул. Заметно было, что он буквально валится с ног, но очень доволен.

— Итак, что мы имеем. Доктор Джекил, то есть отец Александр, не знал, что делает мистер Хайд, который в него вселился... каким-то образом, — продолжал Гризли, постукивая карандашом по столу в такт своим словам. — Ну, тронулся человек, бывает. Сам себе письма писал, потом забывал об этом, письма находил, переживал. Явился к нам. Вы начали разбираться. Тогда его мистер Хайд решил, что пора типа поднажать...

— Дальше я не понял, как было, и он сам вряд ли объяснит, — задумчиво протянул Сёма, прервав начальника. — Он нашлёпал ладонями по коридору кровавые следы — замечу, в перчатках, кровь текла у него из раны на предплечье, которую он сам же себе нанёс. И он же сидел в спальне, запершись и трясясь, слыша смех из коридора? Нет, не понимаю. И он навряд ли вспомнит.

— Анализы крови взяли, сверили с теми данными, что были у экспертов? — перебил его Гризли, и Сёма подтвердил:

— Совпадают. Следы — это он.

— Ладно, а потом? — Гризли сдвинул брови; видно было, что в его голове идёт интенсивный мыслительный процесс, но осознать до конца происшедшее ему мешает реальный здравый смысл.

— Ну, видимо, мистер Хайд снова решил поднажать. Заставил батюшку уйти от отца Иоанна, в доме которого тот ночевал. Заявиться на пустырь и перерезать себе горло, предварительно оставив вокруг себя такие же кровавые следы, как те, что были в квартире. Но тут у него, этого долбаного Хайда то есть, кое-что пошло не так.

— Отец Александр сообразил, что делает и почему, — взволнованно добавил Тони. — Он изгнал... выгнал Хайда из себя и потерял сознание.

— Да уж, прекрасная версия. Я прямо вижу, как всю эту херню поднимаю наверх, — капитан действительно ткнул пальцем вверх, указывая таким образом на портрет «железного Феликса».

— Ставлю доллар, тот бы тоже не понял, — прошептал позади Сёмы циничный Толян.

Гризли хмуро глянул на него:

— Думаешь, я глухой? Шипит тут, аспид. Короче, поп выходит из больницы, объясняет всё происшедшее попыткой суицида, дело закрываем. Сам-то он как?

— Не очень, — честно признался Сёма. — Плачет... и вообще в депрессии.

Гризли сочувственно крикнул и потёр шею:

— Не удивлён. Я бы на его месте тоже имел... бледный вид и холодные ноги.

— У него в душе Бог, — вдруг решительно проговорил Тони. — Он справится.

Гризли снова крикнул:

— Божественная психотерапия. Понятно. Ладно, товарищ инспектор, — он наконец-то усмехнулся, — вы уже завтра от нас отбываете, а мы ещё ни разу с вами не пили. Рабочий день закончен, можно приступать.

Сёма закашлялся, вытаращив глаза. Это было, мягко говоря, внезапно.

— Так что закройте дверь, охотники за привидениями, и мы восполним этот пробел, — невозмутимо продолжал Гризли, ухмыляясь уже в открытую. — Ты вообще-то водку пьёшь, инспектор?

— Пью... вообще-то, — Тони тоже улыбнулся, но с некоторой оторопью. Даже, можно сказать, с опаской.

Ещё бы — на казённом столе появились вынутые из капитанского сейфа бутылка «Русской» и две бутылки дагестанского коньяка. А также двухлитровая банка солёных огурчиков и пол-литровая — груздей. Сёма даже знал, кто именно осчастливил начальника всем этим добром — уборщица тётя Зина. Потом на свет Божий появились четыре гранёных стопаря.

— Звиняй, виски не держим, — Гризли развёл могучими руками. — Да и вонючее оно у вас какое-то. Как самогонка. Рыжий, будь ласка, сгоняй за шаурмой в ларёк к девчонкам. Вот деньги.

В вагончике под окнами райотдела две весёлые гражданочки из Ближнего Зарубежья вертели шаурму — с раннего утра до позднего вечера. Злые языки поговаривали, что накануне шаурма мяукала, но опера считали это гнусной инсинуацией.

— Я мухой! — Толян проворно схватил деньги.

— ...А как оно вообще происходит, такое раздвоение личности? — пристал Сёма к англичанину, когда все уже накатили по второй. — Ты же наверняка изучал, скажи.

— Бывает и больше, — Тони сосредоточенно нахмурился. — Больше других личностей.

— Да ты чо, вот здорово! — ахнул Толян. — Круто! И что, ни одна из них не помнит о другой?

— Чаще всего даже не знает... так было в отмеченных медициной случаях, — кратко объяснил Тони. Толян задумчиво закивал, понимаю, мол, но англичанин тут же добавил: — Но я не думаю, что у отца Александра было раздвоение личности. Как диагноз.

— Э-э? — протянул Гризли, едва не поперхнувшись огурчиком. — Расшифруй-ка, товарищ инспектор, а то я как-то не вкурю.

Тони задумался, знакомо шевеля губами и сосредоточенно глядя в свой стопарь.

— Раздвоение личности подразумевает некие... какие-то внутренние проблемы. С психикой. А тут как будто бы произошло вторжение извне. Захват. Кем-то тёмным. С той стороны.

— Во здорово! — снова восторженно подпрыгнул Толян, и Сёма не выдержал — наконец заехал ему по шее.

— За что?! — оскорблённо заверещал Рыжий.

— За всё. Нашёл чему радоваться, дурак, — сумрачно отрезал Сёма, а Гризли внушительно изрёк:

— Сейчас и я добавлю. Давай, Тоха, не отвлекайся. Ты реально веришь в «ту сторону»?

— Да, — тихо обронил Тони. — Были... прецеденты. А у вас не было? Сёма рассказывал про нарисованную собаку. А тут — ладонь.

— Совпадение, — проворчал Гризли. — А я вот не верю в такие тряхомудии. У всего рациональное объяснение есть. Кто-то накалякал псину на стене — что с того? Если бы тот хрен, как его там было звать, Возницын, что ли, не притащил братниного пса домой, ничего бы и не было. Пёс взбесился. Порвал человека, бывает, — он упрямо мотнул головой. — Нет, не верю. И здесь то же самое. Поп просто с катушек сошёл. А ладонь... Ну, тоже накалякал кто-то. У нас в подъездах, знаешь, не только ладонь могут накалякать, — он гулко хохотнул, — но и другие части тела.

— Знаю. У нас тоже, — серьёзно кивнул Тони. Глаза его были непроницаемыми.

— Так что давай за мир во всём мире, инспектор, и за британско-советскую, то есть британско-российскую дружбу! — Гризли в очередной раз вознёс над столом стопарь.

Сёма махом опрокинул в себя жгучую жидкость (пил он только коньяк) и, не давая никому опомниться, брякнул:

— Если, Фёдор Иванович, как ты говоришь, поп умом тронулся, и херня на стене к этому отношения не имеет, то со мной-то что было? Мы уселись в засаде, и мистер Хайд устроил концерт уже мне. Кто-то смеялся, тихонько так... и ножницами лязгал... я чуть не обоссался, однако, — честно сознался он, — особенно когда ладонь на стене увидел и про того пса вспомнил. А пока мы в стену зырили и мараковали, что к чему, он отца Александра и попытался того... ужокошить. Что, тоже совпадение?

Гризли крепко задумался, подперев щеку кулаком, а Толян исподтишка показал Сёме большой палец: дуй, мол, дожимай неверующее начальство.

— Невыспатый ты был, вот что, — наконец твёрдо заявил капитан. — Смех... лязг... да что угодно это могло быть. Глюки от недосыпа. Телек у поповых соседей в какой-нибудь квартире за стенкой. Или кошка мявкала.

— Кошка там была, — вспомнил Сёма. — Бурая такая. В жёлтую типа крапинку. Утекла в подвал.

— Вот видишь, — Гризли в очередной раз воздел палец к портрету Дзержинского. — Сам сказал.

Первый чекист с портрета укоризненно взирал на Сёму, и тот только пробормотал:

— Да что же я, человеческий или там нечеловечий смех от кошачьего мява не отличу, что ли? Кстати, кошка шипела и горбилась, когда на эту ладонь на стене смотрела. Я потому на стену внимание и обратил. И ещё... — он поколебался, говорить или нет, но, увидев, что товарищи напряжённо смотрят на него, скороговоркой выпалил: — Я накануне у Светки своей ночевал, так там мне тоже смех мерещился, так, знаете, в полусне. И никаких кошек не было.

Гризли ещё немного подумал и предсказуемо заявил:

— Просто ты слишком вгрузился в эту байду, только и всего. Тут что угодно померещиться может, если нагнетать, — он хитро подмигнул. — Ладно, дело, считай, раскрыто. Сменим пластинку. Ты когда на Светке своей женишься, деятель?

— Чего? — обалдел Сёма и даже вспыхнул под удивлённым взглядом англичанина. Ещё не хватало! Сменим пластинку, называется.

— Того, — не обращая внимания на его корчи, гнул своё толстокожий Гризли. — Девка хорошая, мы ж её видели на концерте на День милиции в ДК или вон на Новый год. Симпатичная, хозяйшюка небось и не шалава какая-нибудь Непутятична. Квартира даже есть. Чего не женишься?

Давно и прочно женатый на своей Марь Филипповне старший оперуполномоченный желал охватить подобным счастьем и подчинённых.

Багровый Сёма кашлянул и жалобно покосился на Толяна. Мол, выручай, не бить же начальству морду. Рыжий этот взгляд истолковал правильно и немедля принялся разливать пойло под следующий тост:

— За любовь!

Тут Сёма наконец с облегчением вздохнул, потому что махом переключившийся Гризли начал растроганно вспоминать, как познакомился со своей Машенькой, то есть Марь Филипповной, а потом как банный лист пристал к инспектору — женат ли он, и если нет, то когда собирается.

Сёма же незаметно встал из-за стола, подошёл к окну с распахнутой форточкой и закурил, глядя в тёмное холодное небо.

Сможет ли отец Александр пережить то, что с ним случилось? И если сможет, то когда? Сёма подозревал, что нескоро.

За столом Гризли и Толян, обнявшись, принялись негромко выводить: «Ходят кони над рекою». Сёма обернулся, встретил понимающую усмешку Тони и ухмыльнулся сам.

* * *

Каким-то образом все трое — Сёма, Толян и Тони, — проводив капитана на такси к его Марь Филипповне (та закудаhtала, увидев мужа в таком состоянии), очутились в номере гостиницы «Восход», где и растянулись вповалку на двуспальной кровати англичанина, даже не раздеваясь.

Когда в окна номера заглянул суровый таёжный рассвет, Сёма первым продрал глаза. Глаза припухли и продираться не хотели, но он их заставил это сделать титаническим усилием воли. Узрев рядом на кровати посапывающих Толяна и Тони, он сразу вспомнил, как лихо они надрались вчера вечером, и едва не застонал: предстояло же провожать англичанина на поезд «в край».

Сёма глянул на наручные часы — до поезда оставалось ровно четыре часа, время прочухаться было. Он облегчённо вздохнул, прошлёпал в ванную, где умылся и напился прямо из-под крана, и принялся безжалостно расталкивать коллег. Он никак не предполагал, что Тони, проснувшись, серьёзно, как всё, что он делал, заявит:

— Я хочу посмотреть на этого... на собаку на стене. Таёжная, дом 34. Можно?

Вот же памятный «бобби»!

— Да ты офигел, — простонал Толян, протирая запухшие, как у Сёмы, глаза. Сёма был с ним полностью солидарен. — Сейчас? Таёжная, 34? Точно офигел.

Но, говоря это, он уже понимал, что ехать придётся, брит не отстанет. Чтобы понять это, достаточно было поглядеть на его упрямую физиономию взявшей след ищейки.

— Хорошо, — покорно согласился Сёма, морщась от головной боли. — Тогда жрать и аспирин. Есть у тебя аспирин?

У запасливого брита нашёлся «Морниг афтер» в пакетиках, и через несколько минут жить

стало лучше, жить стало веселее. Ещё через час, быстренько упаковав вещи инспектора в оставленный у порога баул и перекусив в пресловутом «Пикнике», они уже катили в трамвае на окраину города. То есть на улицу Таёжную, 34.

Залитый светом двор встретил их галдежом воробьёв и ребятишек, которых начали распускать из школ на летние каникулы. Пацаны сидели в беседке, ранее оккупированной местной алкашнёй. Сейчас беседка выглядела чистенькой и даже нарядной, потому что кто-то заменил там выбитые доски и покрасил её в желтый, красный и зелёный цвета. Сёма подозревал, что тягостное происшествие с собакой произвело такое впечатление на жильцов и местный ЖЭК, что они все вместе совершили сие благое деяние. А алкашня, с которой корешился погибший от зубов собаки мужик, куда-то расползлась или вовсе завязала.

В подъезде их тоже ждал сюрприз. Никаких собак на стенах. Ничего вообще — ни матерных надписей, ни похабных картинок, ни даже «Цой жив!». Потолок подъезда был чисто выбелен, стены — покрашены приятной глазу бежевой красочкой. Более того. Они стали гладкими — кто-то добросовестно их зашпаклевал, так что выцарапанный силуэт пса исчез совсем. С концами.

— Ёёк-макарёк, — пробормотал Сёма и облегчённо рассмеялся. У него и правда вдруг полегчало на душе. Это что, так просто взяли и справились с самим дьяволом? Со страшной Той Стороной? Всего лишь побелив и покрасив подъезд?

— Да здравствует капремонт! — провозгласил он, разворачиваясь, чтобы выйти на улицу. — Да здравствует солнце, да скроется тьма! Это Пушкин написал, — пояснил он Тони.

— Знаю, — привычно кивнул тот, и Сёма вдруг подумал, что будет скучать по его серьёзности, обстоятельности, логике и странным словесным конструкциям.

«Грейт Британ из ситьюэйтед...»

На перроне, рядом с пыхтевшим составом, им почему-то стало неловко обниматься, и они чинно пожали друг другу руки, пробормотав несколько дежурных фраз вроде «Здорово было вместе работать» и «Может, ещё увидимся. Когда-нибудь».

— Знаете, — внезапно сказал Тони, пристально глядя на них, совсем как Феликс Эдмундович. — Пообещайте мне, что прямо сейчас сделаете одну вещь.

— Женимся, что ли? — натужно хохотнул Сёма.

— Нет, — Тони шутки не принял. — Пообещайте, что пойдёте в дом, где жил... живёт отец Александр, и сделаете то же, что сделал кто-то в том доме по улице Таёжной. Закрасите стену.

— Ма-ать... — выдавил Сёма, обалдело хлопая глазами. — Да ты... кхм...

— Я в порядке, — твёрдо произнёс Тони. — Вы же сами понимаете, что это надо сделать. На всякий случай. Считайте, что это ритуал. Магический ритуал, — его глаза стали совсем тёмными. — Сделаете? Обещайте.

— Хрен с тобой, — Сёма махнул рукой и вдруг крепко обнял брита. — Сделаем.

Тони растерянно обнял его в ответ и просиял.

— Провожающим просьба покинуть вагоны! — зычно крикнула дородная проводница в синей тужурке.

Они и покинули.

И Энтони Хиггинс покинул порозовевшие от багульника сопки и вонзающиеся в небо, согласно советской песне, кедры. Отправился в свою Грейт Британ.

* * *

Гризли в райотделе пока не появлялся и даже не звонил. Выяснив это, Толян и Сёма не сговариваясь отправились в каморку под лестницей, где уборщица тётя Зина держала мётлы, совки, вёдра и другой техинвентарь. Сёма точно знал, что туда же она заботливо прибрала запасы шпаклёвки, краски и прочего, оставшегося после ремонта.

— Куда прём? — крикнул им дежурный на выходе у «вертушки», подняв глаза от газеты.

— Кой-чего подкрасить надо, — неопределённо отозвался Сёма, вышагивавший впереди с ведром. — Гризли разрешил.

— А, ну тогда ладно, — рассеянно согласился дежурный и вернулся к «СПИД-инфо». На развороте страниц мелькнули голые сиськи.

— Да тут чёрта лысого можно вынести, — справедливо возмутился Толян. — А ещё ментовка!

— Спокойно, Рыжий, всё пучком, — пропыхтел Сёма. — Лишь бы Гризли нас искать не начал. Представляешь, какой пиздец начался бы, если бы эти карманные телефоны, про которые Тони толковал, в самом деле у нас завелись? Вообще никуда не спрятаться, не скрыться.

— Ага, — согласился Толян.

Через двадцать минут они наконец достигли подъезда дома, где проживал отец Александр, и поднялись на нужный этаж. Ладонь оставалась в прорезке. Сёме даже показалось, что она нахально скалится.

«У меня, блин, точно глюки», — сокрушённо подумал он и принялся размешивать шпаклёвку в ведре. Глюки глюками, но обещание, данное Тони, надо было выполнять. Авось поможет... чему-нибудь.

Толян, присев на корточки, отыскивал в принесённом пакете щётки и шпатель. Сёма закончил со шпаклёвкой, и работа пошла.

— Молодые люди, у нас теперь милиция ремонтом занимается? — раздался снизу недоуменный вопрос, и, повернувшись, они увидели Николая Ивановича, старика-ветерана из квартиры 38. Тот опять был в своём парадном коричневом костюме с орденскими планками на груди — небось в собес ходил.

— Здравсте, — неловко пробормотал Сёма. — Да вот, всякую... кхм... ерунду замазываем. Надо же кому-то это делать.

— Это хорошо, — одобрительно кивнул старик. — Правильно. Спасибо вам большое. Спасибо, — повторил он с искренней благодарностью.

«Боевик «Менты против хищника, или Опера райотдела спасают мир от нечистого», — подумал Сёма и даже слегка развеселился.

— Работа у нас такая, — ответил он, однако, как Тони, серьёзно. — Наша служба и опасна, и трудна. А вы присмотрите за отцом Александром, когда он вернётся.

— Конечно, конечно, — закивал старик. — Не беспокойтесь. Он, кстати, мне из больницы звонил.

— Да вы что! — насторожился Сёма. — И как он?

— Бодро разговаривал, — поведал Николай Иванович. — Думаю вот, как вернётся, пусть хотя бы недельку у меня поживёт сперва. И мне веселее, и он, так сказать, залечит раны окончательно. Его скоро выписывают. Вы ко мне-то потом зайдите, руки помыть, почиститься.

Через час стена сияла свежей заплатой, никакой ладони на ней будто и не было.

— Представляю, что Гризли скажет, — вздохнул Сёма, когда они на рысях приближались к райотделу.

И Гризли сказал:

— Олухи царя небесного, вы где шандарахаетесь?

«Вот так вот спасай мир, надрывайся», — философски подумал Сёма, переглянувшись с Толяном.

* * *

То огромное, непостижимое и злое, что таилось на той стороне, внимательно наблюдало за действиями оперов и слушало их разговор со стариком. Игра закончилась вничью. Но только эта её текущая сессия. Нечто потеряло интерес к этим червякам, хотя люди, красившие стенку, встречались ему уже дважды... и остались живы. И даже в своём уме.

Возможно, ему всё-таки предстояло когда-нибудь вернуться к ним.

В третий раз.

Нельзя же оставлять дела недоделанными.

Вода пришла в подвалы, в канализационные колодцы, в ливнёвку, залила все пригородные посёлки и дачи. И хлынула на улицы города.

Хотя никто не погиб — вода прибывала медленно — но этот свинцовый тяжкий подъём казался неумолимым и неостановимым, как смерть.